

АЛИНА БРЮС

Тремёрды

КНИГА 1

ИЗГНАННИКИ ЗЕННОНА

KompasFantasy

Алина Брюс

Дремеры. Изгнанники Зеннона

ИД "КомпасГид"

2023

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Брюс А.

Дремеры. Изгнанники Зеннона / А. Брюс — ИД "КомпасГид",
2023 — (KompasFantasy)

ISBN 978-5-907514-51-5

Серра – мир, в котором любой камень под ногами обладает магией. Мир, в котором у каждого жителя есть дар камневидения. У каждого, кроме шестнадцатилетней Виры Линд. Она – дочь знаменитого камневидца, спасшего Зеннон от пришедших с севера страшных, поглощающих людей Теней. Однако сама Вира не способна ни пробудить камень, ни даже почувствовать его. Чтобы скрыть постыдную тайну, дядя решает выдать Виру замуж. Но в день свадьбы ее одноклассник сжигает Книгу Закона. За такой проступок Кинну грозит изгнание. Девушка пытается помочь парню, но тщетно: ее и Кинна изгоняют из Зеннона. Это равносильно смертному приговору: с наступлением темноты Тени выходят из укрытий. Вире и Кинну нужно найти убежище – оно спасет их от гибели. Но поможет ли оно Вире убежать от самой себя, а Кинну – добраться до цели, ради которой он пошел на преступление? «Дремеры. Изгнанники Зеннона» – первая часть трилогии и одновременно дебют молодой писательницы Алины Брюс. Лингвист по образованию, Алина решила связать свою жизнь с литературой и создала необыкновенный мир Серры.

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-907514-51-5

© Брюс А., 2023

© ИД "КомпасГид", 2023

Содержание

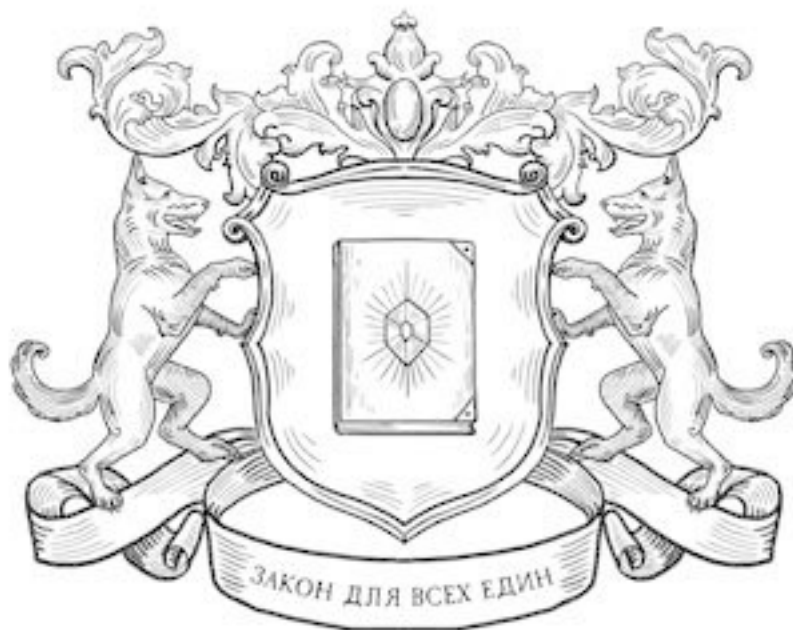
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алина Брюс
Дремеры. Изгнанники Зеннона

© Алина Брюс, текст, 2023

© ООО «Издательский дом «Тинбук», 2023

Глава 1

Наш фаэтон повернул на залитую солнцем мостовую, ведущую к Садам Дёи, когда вдруг с Башни Изгнания донесся гулкий звук горна. Из соседних экипажей послышались приглушенные вскрики, а я до боли впились в браслет на левом запястье и задержала дыхание.

Кого-то изгоняют. Прямо посреди дня.

Горн резко замолчал, и я медленно выдохнула, чуть расслабив пальцы. Но гудение всё продолжало отдаваться в каждой клеточке моего тела.

Нелла с оглушительным щелчком захлопнула веер.

– Вира, дорогая, не делай такое неприятное лицо. Мы у всех на виду. Тебе следует подавать достойный пример.

Я могла бы поклясться, что она и сама тихонько охнула, когда зазвучал горн, но спорить с Неллой себе дороже, поэтому я постаралась принять бесстрастный вид.

Возможно, я просто отвыкла от этого звука.

Хотя вряд ли я вообще к нему привыкну. Ведь кого-то изгнали. Здесь, в Зённоне, мы в безопасности, но там, снаружи, после заката этого человека ждут Тени. И пусть даже изгнали преступника, к такому всё равно невозможно привыкнуть.

Горн меня растревожил, и как никогда мне захотелось побыть в одиночестве, поэтому, едва мы остановились у ворот Садов, я собралась с духом и спросила:

– Могу ли я сегодня пойти к жертвеннику одна?

Нелла выгнула ухоженные брови и впились в меня острым, как кошачий коготь, взглядом.

– Вира, дорогая, ты ведь понимаешь, что это неразумная мысль? Твой дядя этого не одобрит.

Я ожидала, что Нелла откажет, – фразы «быть гувернанткой» и «всё запрещать», похоже, были для нее синонимами, – и всё равно сердце упало. Но тут ее губы растянулись в приторной, как сахарное пирожное, улыбке.

– С другой стороны, все мы учимся на своих ошибках. Можешь идти. Только, прошу, не опаздывай. И не забывай о том, что ты... особенная.

В ее темных глазах промелькнула едва заметная насмешка.

Услышь нас кучер, он бы решил, что Нелла всего лишь напоминает мне, что дочь знаменитого зеннонского камневидца Эрена Линда и племянница главы Казначейства должна следить за своим поведением с особым тщанием.

Но Нелла имела в виду совсем не это. Она намекала на мою аномалию.

Это было не в первый раз и явно не в последний. Нелла да же без слов могла уязвить как никто, и мне потребовалась большая выдержка, чтобы просто поблагодарить ее, не подавая виду, что меня задела очередная насмешка. Сойдя с фаэтона, я поспешно влилась в людской поток, безостановочно текущий через огромные кованые ворота в Сады Деи. Круглый год это место привлекало горожан, особенно по выходным, – и сейчас отовсюду слышался смех и зву-

чали радостные голоса, будто каких-то пять минут назад люди не перешептывались испуганно под гул горна.

Возможно, им просто было нечего скрывать.

Проходя мимо высокого трехъярусного фонтана, вода в котором искрилась на весеннем солнце, я вдруг отчетливо почувствовала чей-то взгляд – меня будто тронули за плечо. Значит, Нелла всё-таки следит за мной.

Всё во мне взбунтовалось, но я заставила себя идти, не оглядываясь, напрямик в самое сердце Садов. И всю дорогу меня преследовал этот настойчивый, сверлящий спину взгляд. Когда я наконец перешла по мостику к жертвеннику Деи и обернулась, желая выплеснуть негодование, то никого не обнаружила: персикового платья Неллы нигде не было видно.

Странно. Наверное, одна, без компаньонки, я просто привлекла чье-то внимание.

Задумавшись, я не сразу осознала, какая вокруг царила тишина. Даже воздух здесь был другим – сосновым, чистым, со свежими нотками весны. У жертвенника почти никогда не бывало пусто, но сейчас все, вероятно, ушли к прудам, где в это время давали представления.

Выдохнув, я опустилась на колени перед статуей Деи в простом платье целительницы и постаралась выбросить лишние мысли из головы.

Из всех Первых – детей наших Прародителей Серры и Иалона – Дея всегда была мне ближе всего, и не только потому, что вместе со своим мужем Зенноном основала этот город, названный в его честь, – она искала и пробуждала целительные камни и помогала страждущим. Совсем маленькой я мечтала, что, окончив школу, поступлю в Академию камневидцев и пойду по стопам Деи – буду заниматься целительными камнями. Но путь в Академию оказался для меня закрыт.

– Это здесь! Мама, давай скорее!

Радостный мальчишеский крик вспорол тишину, и стало ясно, что время уединения закончилось. Я встала с колен, поклонилась Дее и, стряхнув с платья крупы земли, обернулась к мостику, который дугой изгибался через ручей. На той стороне подпрыгивал от возбуждения рыжеволосый мальчишка. Он помахал своей матери – та догоняла его по аллее вместе с другими женщинами – и, никого не дожидаясь, взбежал на мостик.

Я невольно задержала дыхание.

У мостика совсем не было перил, и, хотя ручей был неглубок, даже мне там всякий раз становилось не по себе. Но мальчишка пронесся по мосточку, словно дикий ветер, и увидел меня лишь в последний миг, вынырнув из-за кустов можжевельника. Я заметила его расширенные от удивления глаза – он попытался затормозить, споткнулся и растянулся в паре шагов от меня. Что-то вылетело у него из руки, приземлившись прямо перед носком моей правой туфли. Глиняная фигурка в виде ноги – просьба для Деи об исцелении.

Мальчишка тут же вскочил на четвереньки и в ужасе зашарил руками по земле. Я осторожно подняла грубо слепленную фигурку и протянула ему:

– Ты это ищешь?

Рыжеволосый замер, словно не веря своим глазам, а потом широко улыбнулся, показав дырки на месте выпавших молочных зубов:

– Спасибо, госпожа! Это для отца. Когда он снова сможет ходить, я сам разобью фигурку, мама обещала!

Сердце кольнуло от жалости, и я ободряюще улыбнулась в ответ.

К жертвеннику Деи стекались со всего города, а раньше – и со всей Серры, чтобы просить об исцелении от болезней. Жертвенник был заставлен разнообразными фигурками, а вся земля вокруг – буквально усеяна глиняными черепками, свидетельствами многочисленных исцелений.

Я уже собралась уйти, но мальчишка преградил мне путь:

– Госпожа, вы ведь хорошая камневидица?

Я замерла, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

В Серре все благословлены даром камневидения – способностью видеть и пробуждать силу в любом камне, взят ли он из-под ног или добыт в сердце Серебристых гор. Даже у этого мальчишки дар вот-вот пробудится, если еще не пробудился. Но, как не уставала напоминать Нелла, я особенная.

Чуть склонив голову, чтобы поля шляпки скрыли мое вспыхнувшее лицо, я соврала прямо перед Деей:

– Естественно.

Я надеялась, что теперь мальчишка даст мне пройти, но он тут же возбужденно спросил:

– Госпожа, а вы, наверное, и йерилл разбудить сможете? Целители говорят, он улучшает ток крови.

Мальчишка улыбнулся, гордясь тем, что запомнил такие сложные слова, но сразу помрачнел.

– Папа сорвал спину на работе и теперь сам ходить не может, так ноги и спина болят. На разбуженный йерилл у нас денег нет, еле-еле на обычный хватило. Но в семье у нас никто не силен в камневидении. Мама переживает, что, если она сама этим займется, йерилл выйдет слишком слабым. А папе нужно... ну... чтоб сильный был.

Я приоткрыла рот, но не смогла проронить ни звука, будто мой язык мгновенно одеревенел.

Я не могу разбудить йерилл. Ни йерилл, ни какой-либо другой камень. Но никто не должен об этом знать.

Мои мысли замесались испуганными мошками, и в этот момент к нам подошла мать мальчика с еще несколькими спутницами. Судя по простым темным платьям, все они были из рабочего квартала. Женщины одновременно поклонились мне. Их любопытные взгляды жадно вобрали и модный крой моего платья, и пару жемчужных пуговиц на вороте, и атласные ленты на шляпке. Одна из них с интересом уставилась на мой браслет из зеленоватых неровных хризалиев, который выглянул из-под левого рукава. Стараясь выглядеть естественно, я спрятала руку в складках платья, благодаря Дею за избавление. Теперь можно уйти.

Но прежде чем я смогла двинуться, рыжеволосый подскочил к матери и выпалил:

– Мама, а госпожа и йерилл разбудить может! Давай ее попросим!

Женщина замерла и, взглянув на меня, напряженно заметила:

– Не говори глупостей, Тэн. Юной госпоже не до нас.

К своему ужасу, я услышала в ее словах надежду. Увидела, какими взглядами обменялись ее спутницы. Горло пересохло. Только тут я поняла, что попала в ловушку.

Никто не вправе отказать, если его заклинают милосердием Деи, – только не здесь, в ее Садах, где она возносила молитвы Предкам и нашла вечный покой. *Милосердному – милосердие, а жестокосердному – кара.*

А я даже денег не могу предложить – всё осталось у Неллы. Не следовало идти одной, она бы помогла мне выпутаться.

Сердце заколотилось как бешеное, перед глазами всё поплыло, и я как во сне увидела, что рыжеволосая женщина склонила передо мной голову:

– Госпожа, заклинаю...

Я собрала с духом и резко, надменно перебила ее:

– Вы меня задерживаете. Если нужно разбудить камень, обратитесь к Служительницам.

В потрясенной тишине – казалось, даже молодые листочки иртаний замерли – я прошла мимо женщин и ошоломленного Тэна, едва не наступив ему на ногу, и поднялась на мостик.

Кто-то зашипел вслед:

– Бессердечная!

Я едва не оступилась, но заставила себя идти с прямой спиной. Ни разу так и не обернувшись, с пылающим лицом я быстро зашагала к выходу, пока наконец у ворот не показалось персиковое платье.

Нелла окинула меня пристальным взглядом и слегка нахмурила брови:

– Прошу, не куксись, дорогая, тебе не идет. Юная леди твоего положения должна уметь держать себя в руках. И в следующий раз изволь взять с собой подстилку. У тебя грязь на платье.

Заметить пятна земли на кофейного цвета платье – в этом была вся Нелла. Мне хотелось воскликнуть, что мне всё равно, как я выгляжу, и что никогда в жизни больше не поеду в Сады, но я лишь молча кивнула. Она же улыбнулась:

– Вот и славненько.

Пропустив Неллу вперед, я села в фаяз и прикрылась веером. По ее сигналу кучер щелкнул языком, легонько тронул вожжами, и лошади зацокали по мостовой.

Обычно мне нравилась неспешная поездка вдоль Садов, по шумным улицам восточного Торгового квартала, мимо огромной Рыночной площади, наполняющей окрестности суматошным гвалтом и запахами рыбы, специй и свежей выпечки, по улочкам и переулкам квартала Гильдии искусств, где до нас то и дело доносились обрывки веселой музыки. Всякий раз я представляла, что я там – одна из многих, затерянная в разно шерстной зеннонской толпе, которой и дела нет ни до меня, ни до моего имени.

Но сегодня всё вокруг словно окуталось туманом, который осенью так густо поднимался над водами Венны. И чем ближе мы подъезжали к размеренным аллеям квартала Советников, тем тяжелее у меня становилось на сердце.

Мне хотелось вернуться назад и на коленях просить прощения у Тэна и его матери. Сказать, что будь я на это способна, то разбудила бы для них хоть весь запас йериллов в Зенноне. Но я была последним человеком во всей Серре, к которому стоило бы обратиться за помощью.

Чувствуя, что взгляд Неллы ползет по мне, как цепкий паук, я спрятала свой стыд и боль поглубже и сделала непроницаемое лицо.

Дома я собиралась сразу же ускользнуть в свою комнату, чтобы оказаться наконец в одиночестве, но у подножия главной лестницы меня остановил Гаэн, наш дворецкий. Мне почудилось, что кончики его седых усов виновато встопорщились, когда он произнес:

– Госпожа Вира, ваш дядя желает видеть вас в своем кабинете.

Мое сердце ухнуло вниз, и потребовалось несколько секунд, чтобы ко мне вернулся голос:

– Спасибо, Гаэн.

...Я сжала кулак и уже готовилась постучать, но заметила, что рука немного дрожит. Опустив руку, выдохнула. Сотни раз я стояла перед этой дверью и никогда не могла постучать с первого раза. Внушительная, по-зеннонски строгая, безо всяких изысков, дверь была прямо под стать дяде.

Как же я ненавидела эту дверь. Что ожидает меня по ту сторону?

Дядя никогда не занимался со мной в выходной, в день Предков. И, кроме как для занятий, почти никогда не вызывал в свой кабинет.

Нелла ведь не успела донести дяде про Сады? Мне с таким трудом удалось добиться от него разрешения их посещать. Он опасался, что может произойти что-то подобное, говорил, что это неоправданный риск. А я вдобавок упростила Неллу отпустить меня одну. Если дядя узнает, то придет в ярость. А его гнев, холодный и молчаливый, куда хуже раздражающих замечаний и поучений Неллы.

Я по привычке крепко сжала левое запястье, где под рукавом платья скрывался сделанный мамой браслет. Пожалуйста, мама, помоги. Выдохнув, я пригладила волосы, убедилась, что пряди не выбились из прически, и наконец постучала.

– Входите! – голос дяди прозвучал резко и раздраженно. Дядя не любил, когда его заставляют ждать, а я заставила – минут пять, не меньше.

Влажной ладонью я схватилась за начищенную до блеска дверную ручку и потянула. Дверь открылась с трудом, но, как всегда, беззвучно, и на меня повеяло запахами бумаги, чернил и сургуча. Дядя в белой форме Советника, которую не снимал даже дома, сидел совершенно прямо за массивным дубовым столом. В окна с неизменными зелеными шторами заглядывало весеннее солнце. Но даже оно не могло смягчить официальную обстановку кабинета.

– Вира, садись, – дядя нахмурился, наверняка не в духе от моей медлительности.

Стараясь не споткнуться, я торопливо пересекла оливкового цвета ковер, который в детстве казался мне бесконечным. Книжные шкафы, диван с кофейным столиком, два высоких сейфа с камнями, портреты на стенах – всё словно взидало на меня с неодобрением.

На деревянных ногах я подошла к столу, где, как всегда, царил образцовый порядок. Из-за спинки высокого стула часть стола была не видна, и на секунду я замерла, ожидая увидеть там серебряный поднос с очередным камнем. Но облегченно выдохнула, убедившись, что подноса нет. Значит, всё-таки не занятие.

Дядя нетерпеливо поправил перед собой бумаги, а я села напротив. Не давая мне опомниться, он сразу же приступил к делу:

– Вира, через месяц тебе шестнадцать. Пора поговорить о твоём будущем.

Я внутренне напряглась, мельком подумав, что, пожалуй, предпочла бы разговор о Садах.

Светло-карие глаза дяди задержались на мне лишь на мгновение, потом скользнули вбок, туда, где висел портрет моего отца. Через несколько лет дядя станет похож на своего старшего брата – у него были тот же высокий лоб и крупный нос, те же смоляные усы и небольшая, с проседью, борода. Но, несмотря на похожие морщинки вокруг глаз, у дяди никогда не бывало такого теплого выражения лица.

Дядя вновь посмотрел на меня. Не выдержав, я опустила взгляд на руки, сложенные на коленях. Его голос прозвучал сухо, словно он читал речь на одном из заседаний Малого совета:

– Я сожалею, что с самого начала выбрал неправильную стратегию. Мне следовало учесть подобный вариант развития событий. Но я надеялся – до последнего надеялся, – что удастся пробудить твой дар, сделал всё для этого возможное. И упустил время. А следовало безотлагательно пустить слух, что, вопреки таланту отца, твой дар слабее, чем у простой крестьянки.

Несмотря на страх, я почувствовала, как внутри меня запульсировал гнев, и впиалась пальцами в плотную ткань платья. Слова дяди задели меня за живое. Не из-за сравнения с крестьянкой, нет. Меня вывело из себя то, что я не услышала в дядином голосе искреннего сожаления. А ведь, если бы он тогда поступился своей гордостью, моя жизнь была бы совсем другой.

Вот мое первое четкое воспоминание: я сижу за огромным столом, ноги на специальной подставке – иначе не достают до пола. Передо мной на серебряном подносе медового цвета камешек, совершенно гладкий от постоянного использования. В этом камне – вся моя надежда. Если он отзовется на мое прикосновение, если я увижу его силу... Сбоку нависает серая фигура наставника, а где-то за спиной – я лопатками ощущаю его взгляд – стоит дядя. Наконец я протягиваю дрожащую руку и касаюсь игния. И чувствую, словно подставку выбили из-под ног. Вместо ожидаемого тепла – прохлада, вместо нитей силы, о которых рассказывал наставник, – пустота. С отчаянием сжимаю камень и внутренне умоляю его: «Пожалуйста, отзовись!» Но в ответ получаю молчание.

Наконец я опускаю игний и виновато качаю головой, не в силах даже взглянуть на наставника. Я знаю, что не справилась, и знаю, что должна была. Наставник говорит дяде о том, что дар у всех просыпается по-разному, вполне возможно, четыре – это слишком рано. Приободрившись, я набираюсь смелости, чтобы обернуться. Но лучше бы я этого не делала. Если бы

в тот момент с дядино лица сняли слепок, то вышла бы идеальная маска полного разочарования.

С тех пор эта сцена повторялась сотни раз, неизменно с тем же результатом. Через какое-то время наставник перестал появляться и дядя сам следил за моими мучениями. Он всё никак не желал сдаваться.

Когда Прародители – Серра и Иалон – с детьми, Первыми, как их потом стали называть, пересекли Штормовые моря и высадились на землю, Серра пробудила самый первый камень и благословила даром камневидения своих детей и внуков, а через них – и всех своих потомков. Каждый человек обладал этим даром: от простых крестьян и рыбаков до Первых советников. Степень одаренности была разной, но дар был у всех. Кроме меня.

Но не только это не давало дяде покоя. Его старший брат, мой отец, был гениальным камневидцем, благодаря которому город сейчас спал в безопасности, а мне, его дочери, было не под силу разбудить даже жалкий игний, уже стертый от частого использования. Любой в Зенноне справился бы с этим без труда.

Эта попытка прекратилась, только когда мне исполнилось десять – к этому возрасту дар проявлялся абсолютно у всех. Но, похоже, единственный дар, который мне достался, – это разрушать возложенные на меня надежды.

Всё бы сложилось по-иному, если бы не дядина гордость. Он так никому и не сообщил, что мой дар не проявился. Вместо этого он договорился с руководством школы, чтобы меня освободили от занятий камневидением, – он собирался заниматься со мной лично. И ему, Советнику первого ранга, с легкостью это позволили. Все решили, что раз уж такой сильный камневидец берется за меня, значит, талантом я пошла в своего отца. На самом деле дядя всего лишь объяснял мне теорию, чтобы меня не выдавало собственное невежество.

Так с дядиной подачи все стали считать меня подающей надежды камневидицей, и, чтобы поддерживать эту иллюзию, мне пришлось лгать всем и каждому, не только в школе, но даже дома. Из всех слуг о моей аномалии знали только дворецкий Гаэн и его внучка Розы, моя горничная. И гувернантка Нелла, разумеется.

Дядя побарабанил пальцами по лежащей перед ним бумаге. Только теперь я заметила, что это письмо, и сердце неприятно замерло. Он посмотрел на миниатюрную статую Зеннона на своем столе. Основатель города в наглухо застегнутой мантии держал в руках раскрытую книгу Закона. Дядя на мгновение прикрыл глаза, словно у него разболелась голова.

– Ректор Академии камневидцев еще полгода назад с пылом заверял меня, что они ждут не дождутся того дня, когда дочь Эрена Линда окажется в их рядах. А месяц назад сам Первый советник осведомился, собираешься ли ты поступать в Академию. Естественно, мне пришлось ответить утвердительно.

Ошеломленная, я встретила с дядей взглядом.

– Но ведь я...

– Да, я знаю, что Академия – последнее место, где тебе следует находиться. И всё же у меня не было выхода. Привлекать внимание к твоей... аномалии крайне нежелательно.

Дядя слегка поморщился, словно раскусил кислую палочку.

– Я проанализировал все имеющиеся варианты и нашел оптимальный. Через неделю состоится помолвка, а через полтора месяца ты выйдешь замуж.

Мне показалось, что дядя вдруг заговорил на древнесеррийском. Какая еще помолвка? Что значит «замуж»?

Весь мой гнев неожиданно испарился, словно по венам потекла ледяная вода. Через неделю? Видимо, меня настигла кара Зеннона – за то, что осмелилась сегодня оскорбить своей ложью его возлюбленную Дею.

Дядя сильнее забарабанил пальцами по письму, избегая моего взгляда:

– Замужество – твоя единственная возможность скрыть отсутствие дара. Если ты не поступишь в Академию, возникнут вопросы. Нежелательные вопросы, на которые будет трудно ответить в удовлетворительной манере. Если же ты выйдешь замуж, всё спишут на нежные девичьи чувства, которые не позволяют оставить новоиспеченного мужа. Оптимально, если ко времени поступления можно будет намекнуть и на готовящееся пополнение семейства. Ты всецело посвятишь себя семье и детям, и постепенно вопросы у всех отпадут сами собой.

Я сидела, неприлично вытаращив глаза, с приоткрытым ртом. Я не ослышалась? Оптимальный вариант? Он что, шутит?

Только я никогда не слышала, чтобы дядя шутил. Я попыталась хоть что-то сказать, но слова застряли где-то в легких.

Дядя, поправив идеально стоявшую чернильницу, по-своему истолковал мое молчание:

– Понимаю, что всё это весьма скоропалительно. Но дело в том, что найти жениха для тебя было очень непростым делом с учетом всех обстоятельств. Только сегодня я наконец получил окончательное согласие касательно одного кандидата.

Он взял в руки письмо и пробежал взглядом по первой странице. Как завороченная, я уставилась на ровные строчки, выписанные размашистым почерком. Внезапно мне стало нечем дышать.

– Хейрон Бернел, – сказал дядя сухим тоном. – Сын Огаста Бернела, главы торгового дома «Бернел и Родд».

Против воли мои брови взлетели.

– Хейрон? Его зовут как... любимого пса Зеннона?

– Очевидно, так, – лицо дяди оставалось абсолютно бесстрастным, словно в таком имени не было ничего необычного. – Как бы то ни было, это законопослушная семья, достаточно обеспеченная, хотя их состояние значительно пошатнулось после прекращения торговли с Альвионом. Молодой человек как раз заканчивает основной курс обучения в Академии камневидцев. Говорят, амбициозен, не желает идти по стопам отца, метит в Советники. При иных обстоятельствах мы могли бы рассчитывать на кого-то более соответствующего твоему статусу, но, увы, выбирать не приходится.

Дядя сказал еще что-то о матери Хейрона и их имуществе, но всё прошло мимо меня. Силой воли я заставила себя снова прислушаться.

– Естественно, мне пришлось дать понять, что ты не унаследовала талант своего отца. Завтра я встречаюсь с Огастом Бернелом и расскажу, что происходит с твоим даром на самом деле. Возможно, после этого он передумает. Но я сомневаюсь. Бернелы никогда не упускают выгодных сделок. Они должны прекрасно понимать, что это их единственный шанс породниться с такой семьей, как наша. Что же касается...

На меня накатила внезапная слабость, и я стиснула руки в кулаки, чтобы собраться с силами.

– Нет.

Мой голос был едва громче шепота, но дядя умолк и слегка поднял брови.

– Нет?

– Я не могу.

– Не можешь. Почему же? – голос дяди прозвучал еще более напряженно и холодно, а пальцы вновь принялись отстукивать барабанную дробь по столу.

Почему? Я посмотрела на белую, без единого пятнышка форму дяди. И он меня еще спрашивает... Сколько себя помню, я всегда делала лишь то, чего от меня ожидали другие. Никто никогда не интересовался моим мнением. Но я надеялась, что, став совершеннолетней, обрету хоть немного свободы. А эта помолвка загонит меня в клетку, из которой я никогда не выберусь. Мое горло словно обхватила удавка, стало трудно дышать.

– Разве твое сердце занято?

Вопрос дяди застал меня врасплох, и я почувствовала, как мои щеки залил румянец. Опустив глаза на стол, я пару раз беззвучно открыла и закрыла рот и наконец выговорила:

– Нет.

– В таком случае вопрос решен.

Стараясь унять охватившую меня дрожь, я впилась пальцами в браслет на запястье. И предприняла последнюю попытку, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало обвинение:

– Мне придется при всех поклясться на книге Закона, что мое решение выйти замуж добровольное.

Никто не мог принудить меня к клятвопреступлению.

Неожиданно дядя хмыкнул – единственный знак того, что мы с ним были связаны родственными, неформальными узами. Но в глазах его не было веселья – только мрачная уверенность.

– Я ни к чему не собираюсь тебя принуждать. Как и предполагает Закон, твое решение будет добровольным. Именно поэтому ты подумаешь над моими словами, а завтра с утра передашь с Гаэном свой ответ – «да» или «нет» будет вполне достаточно.

От его спокойного уверенного тона меня начало по-настоящему тряссти. И внезапно для самой себя я спросила:

– Почему нельзя просто заявить, что мой дар не проявился? Или сказать, что он неожиданно пропал?

И услышала мольбу и отчаяние в собственном голосе.

Губы дяди сжались, а его взгляд снова обратился к миниатюрной статуе Зеннона.

– Об этом и речи быть не может. Это... небезопасно.

– Небезопасно? – Мое сердце помертвело. – Меня же... меня же за это не изгонят?..

– Твоя аномалия не есть нарушение Закона, никто не подвергнет тебя за нее изгнанию.

Но я не хочу, чтобы над моей племянницей ставили опыты!..

Он резко замолчал и неожиданно смял письмо, заставив меня снова вздрогнуть.

– На сегодня всё. Завтра буду ждать твоего ответа.

Опыты? Какие опыты? Я не осмелилась спросить, что дядя имел в виду, заметив, каким отстраненным стало его лицо, словно он уже погрузился в обдумывание очередного доклада.

Я постаралась как можно незаметнее выскользнуть из кабинета. Но уже у двери меня вновь настиг холодный голос дяди:

– Подумай хорошенько, Вира.

Не проронив ни звука, я вжала голову в плечи и вышла.

Я поднялась наверх, но не вернулась к себе в комнату, а вышла на широкую террасу. Меня тянуло на свежий воздух. В дальнем правом углу стояла скамейка, полускрытая кустами самшита и жимолости. Мое самое любимое место, где можно ото всех спрятаться.

Я прошла туда, оглядывая садки с блестящими черными солларами. Камни, вбирая в себя солнечный свет, казалось, нежились на мартовском солнце, словно коты. В подвале дома находился огромный резервуар с водой, которую нагревали соллары и которая шла на отопление, а также в ванне комнаты и прачечную. Воды требовалось много, как и солларов, поэтому камни занимали всё свободное пространство, залитое солнцем. Большую их часть разложили на плоской крыше, но и здесь, на террасе, камней было достаточно.

Убедившись, что вокруг больше никого нет, я отшвырнула туфли, забралась на скамейку с ногами и уткнулась лбом в колени. И наконец расплакалась.

Если бы только мама с отцом были живы...

Вытащив из-под рукава браслет из зеленоватых хризалиев, я тронула скользящий узел и машинально начала перебирать неровные бусины. Когда я родилась, этот браслет специально для меня сделала мама. А от отца мне досталось имя Вира.

Вира: Верная – Исполнительная – Разумная – Аккуратная.

Наверное, в каком-нибудь другом городе это было бы просто странное имя, которое пожелал дать мне отец. Но здесь, в Зенноне, все знали, что это отсылка к клятве камневидцев, которую приносят при поступлении в Академию. Клятве, которую я никогда в жизни не произнесу:

*Я клянусь быть верной Закону и Зеннону,
я клянусь исполнять свой долг
перед Академией и городом,
я клянусь быть разумной и аккуратной...*

Если бы кто-то искал определение иронии, мой случай стал бы отличным примером.

От слез платье на коленях намокло – Нелле не придется долго искать причины, чтобы ко мне придраться. Зато мне немного полегчало.

Я подняла лицо к теплым лучам заходящего солнца. Обычно мне нравилось выходить на террасу – понаблюдать за упорядоченной суетой во дворе, послушать, как ржут в конюшне лошади и шуршат в отдалении колеса редких экипажей. И посмотреть на Зеннон.

Но сегодня вид города не принес мне умиротворения.

Терраса выходила на север, и отсюда был отлично виден Храм Зеннона с блестящей в солнечном свете покатой крышей и столь же высокое здание Совета напротив него. Между ними, в самом центре Храмовой площади, возвышался столп, увенчанный миниатюрной моделью корабля, на котором Серра с Иалоном и детьми приплыли к берегам новой земли. За площадью вздымался шпиль Академии камневидцев.

Но мой взгляд упорно устремлялся туда, куда я обычно избегала смотреть, – еще дальше на север, где на границе города темным пятном высилась Башня Изгнания.

Дядя заверил, что меня не могут изгнать из-за моей аномалии. Но почему открывать правду о ней небезопасно? И какие такие опыты мне в противном случае грозят?

Внезапно прозвучал гонг к ужину, и я вздрогнула, но не двинулась с места.

Есть ли у меня на самом деле хоть какой-то выбор? Сегодня в Садах я уже рискнула, захотела сделать по-своему, и вот что из этого вышло... А если я откажусь от помолвки, что тогда? Куда я денусь? Зеннон я покинуть не могу.

Сколько времени я провела, рассматривая бесчисленные старые карты и представляя, что путешествую по материку и посещаю великие города Серры, основанные Первыми: Альвион, Нумм, Ай'р, Энтану. Но Серры, той Серры, которую нам оставили Первые, больше не было. Выжили лишь Зеннон и Альвион. Остальное – даже острова – поглотили Тени.

Солнце склонилось к западу, по небу растеклись алые полосы, и меня наполнила неясная тревога. Скоро должен загореться световой щит – единственное, что защищает нас от Теней.

...Еще маленькой я как-то спросила Гаэна, который относился ко мне с той же теплотой, как и к своей внучке Розе: что такое Тени, о которых все так испуганно говорят? Почему мы от них прчемся? Помню, как побледнело его лицо, когда он ответил:

– Еще до того, как ты родилась, они пришли с севера, из Энтаны. Никто не знает почему. И никто толком не знает, что они такое. Они приходят с заходом солнца и скрываются с его рассветными лучами. Это... сгустки тьмы, которые поглощают людей.

– Как это так? Едят?

– Не знаю, ласточка, – тогда Гаэн меня еще так называл, – вроде того. От человека ничего не остается, только одежда.

От этих слов у меня мороз пробежал по коже.

– Разве их никак нельзя победить?

Он печально покачал головой.

– От них спасает только световой щит. Раньше и он не был такой надежной защитой, Тени всё пытались его прорвать. А в Альвионе, говорят, пару лет назад Тени прорвались-таки внутрь и поглотили целый квартал. Чудом только спасли остальной город.

Я от ужаса открыла рот.

– Целый квартал?

Гаэн, заметив мой испуг, ласково погладил меня по голове:

– Но здесь, в Зенноне, нечего опасаться. Благодаря мастеру Линду мы можем спать спокойно.

...По всему диаметру, насколько хватало глаз, городские стены охватило ровное холодноватое свечение. Я вдруг поняла, что задержала дыхание, и медленно выдохнула.

Зеннон был в безопасности.

Где-то далеко, на восточном побережье, у Оренского моря, подобный щит должен был загореться вокруг Альвиона. Шептались, что альвионцы что-то придумали с тем кварталом, который в свое время поглотили Тени: одни говорили, что туда отправляют преступников, другие утверждали – туда заманивают Теней, третьи настаивали, что всё это не более чем выдумки торговцев, которые пользовались тем, что мало кто мог проверить их слова. Но как сейчас жил второй оставшийся город Серры, уже давно никто проверить не мог.

Если поначалу, несмотря на нашествие Теней, люди пытались путешествовать между городами, то девять лет назад, после разразившегося скандала с украденным эрендином, Зеннон прервал с Альвионом всякое сообщение. И полностью отгородился от мира.

Теперь город покидают только осужденные на изгнание преступники. И один из них вот-вот встретится с Тенями.

Почувствовав, что дрожу, я поскорее надела отброшенные туфли и поспешила к себе. Комната встретила меня теплым светом желтоватого люминария – светильника в виде кошки – и запахом ужина, о котором распорядился Гаэн: старый дворецкий переживал о моем здоровье – я родилась раньше срока – и всегда подкладывал к моей порции тушеного мяса веточку герзании, которая возбуждала аппетит.

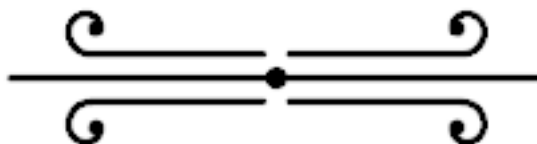
Поеживав, я взяла с комода свадебный портрет родителей в овальной рамке. Отец, так похожий и в то же время не похожий на дядю. И мама с волосами насыщенного медного оттенка, точь-в-точь как у меня, в голубом платье, которое так подчеркивает ее серо-зеленые глаза. Если завтра я скажу «да», то через полтора месяца это самое платье будет на мне.

Я часто и подолгу смотрела на родительский портрет. Между ними было двадцать лет разницы. Я всё гадала: как они со шлись? Что заметили друг в друге? Глядя на улыбку отца и тихую радость в глазах мамы, я была уверена в одном: они любили друг друга всё то недолгое время, что были вместе.

Я поставила портрет на место и дернула шнур звонка, позвав Розу, чтобы она помогла мне подготовиться ко сну.

Их история – не моя. Они оставили мне наследие, оставили имя. И я должна соответствовать этому имени. Должна быть разумной, должна быть исполнительницей.

А значит, я не могу позволить себе такую роскошь, как брак по любви.

Глава 2

На следующее утро я передала с Газном свое «да». А после школы в комнате меня ждал сюрприз – прекрасное шелковое платье цвета розовой пудры, висевшее при входе в гардеробную. За почти шестнадцать лет жизни я не носила ничего столь же изысканного и женственного. Розы – та едва не упала в обморок от восхищения. Но чем больше я рассматривала полу прозрачные рукава, атласные манжеты и пояс, жемчужные пуговицы на лифе, тем большая меня охватывала злость. Значит, дядя даже и не сомневался в моем ответе, раз сделал заказ швее заранее.

Что бы я ни решила, последнее слово всегда оставалось за дядей.

Я молча вытерпела примерку, во время которой даже Нелла расщедрилась на комплимент. Наряду, а не мне. После чего платье забрали, чтобы подогнать.

Три дня спустя я отправилась в школу в особо подавленном настроении. После учебы меня ожидала окончательная примерка платья. И, как всё окончательное, это вселяло в меня тревогу.

Распрощавшись с Неллой у фэзтона, я двинулась по дороге к широкому крыльцу школы, с каждым шагом ощущая, как по мышцам разливается напряжение. Идеально прямая спина, вздернутый подбородок и высокомерный взгляд – маска, которую я не снимала здесь с самого первого дня на протяжении неполных шести лет.

В школу детей отдавали в десятилетнем возрасте, поскольку к этому времени дар просыпался у всех. Наша была расположена в самом богатом районе Зеннона, неподалеку от Храмовой площади и Красного моста через Венну. Дядя мог оставить меня на домашнем обучении, но это посчитали бы чересчур странным, ведь школа давала не только знания, но и возможность завязать нужные знакомства. Не то чтобы приемной дочери Советника первого ранга это было так уж необходимо, но такова традиция. Тем более что дядя и сам учился именно здесь.

Первого августа отмечали День открытия Серры. Обычно вся последующая неделя была наполнена чередой фестивалей, торжественных церемоний и служб, а после... после начиналась учеба. В год, когда началась *моя* учеба, я впервые в жизни ждала август не в предвкушении праздника, а со страхом. Я отправлялась в школу, чувствуя себя самозванкой и боясь, что мою тайну вот-вот раскроют. Накануне дядя провел со мной двухчасовую беседу, советуя, как поступать в том или ином случае. С каждой минутой разговора мне всё больше казалось, что это безнадежная затея. Я провалюсь, не справлюсь и снова разочарую его.

Но вместо того чтобы смотреть на меня с презрением, которого я заслуживала, на меня пялились чуть ли не с обожанием. Да, в школе доставало детей Советников, но наследница Эрена Линда была всего одна. И все хотели со мной пообщаться, все хотели со мной дружить.

В первый же перерыв одноклассницы позвали меня в одну из комнат отдыха, предназначенных для девочек. До этого я почти не виделась со сверстниками – с каждым годом дядя сокращал круг моего общения, пока на мое десятилетие за столом не оказалось ни одного

ребенка. Несмотря на волнение, перспектива стать среди них своей меня так захватила, что я согласилась не раздумывая.

Комнатка была милой, в лимонно-мятных тонах, с мягкими креслами и пуфами, расставленными вокруг трех столиков. Я сразу представила, как буду проводить здесь время со своими новыми подругами, и впервые за день улыбнулась.

Но помимо освежающего сока с печеньем меня ждало кое-что еще.

– А давайте сыграем в жабу? – предложила одна бойкая белобрысая девчонка, к верхней губе которой пристали крошки.

Все дружно закивали, а у меня упало сердце. На тех редких праздниках, где были дети постарше, я неизменно замечала подобные шелковые мешочки и маленькие песочные часики. Каждый по очереди опускал руку в мешок и должен был как можно скорее отыскать камень, который называл ведущий. Тот, кто быстрее всех опознавал все камни, побеждал в игре. А самый медленный становился жабой и должен был квакать и скакать вокруг стола, пока песочные часы не перевернут дважды. Понятное дело, все камни были подобраны так, что на ощупь их отличить было невозможно – только увидеть с помощью дара.

– Правда, это самый простой набор, всего из шести камней, – словно извиняясь, проговорила хозяйка игры.

Все десятилетки играли в жабу. Все. И те, у кого дар проснулся недавно, и те, у кого он проявился несколько лет назад, соревновались, отстаивая свое место в мире сверстников.

Я попыталась сглотнуть. К такому дядя меня не готовил. Вместо мыслей в моей голове завихрилась тьма. И, не глядя на лица, горевшие ожиданием, из этой тьмы я вытащила слова, тяжелые, как якорная цепь:

– С чего вы решили, что меня интересует подобное ребячество?

Я нахмурила брови точь-в-точь как Нелла и вздернула подбородок. Девочки заморгали, словно в глаза им бросили песок, потом неуверенно заулыбались.

– Ну мы и сказали, что это простой набор...

Презрительно фыркнув, я встала, расправила плечи и отправилась обратно в класс. Девчонки за моей спиной обиженно зашуршали:

– Ну и гордячка! Подумаешь, дочь Эрена Линда, могла хотя бы сделать вид...

В тот день я поняла, что единственная возможность сохранить свою тайну – спрятать лицо за маской и оградить себя щитом неприступности. Даже если это и подразумевало, что друзей у меня никогда не будет.

Я шла по широким и светлым школьным коридорам, едва отвечая кивками на приветствия. Удивительное дело, я считала, что, надев маску высокомерия, отпугну от себя всех и вся, но, видимо, у гордячки Виры был свой шарм, поэтому участь изгоя меня миновала. Многие по-прежнему хотели со мной дружить и общаться, со временем научившись обходить тему камней стороной, к большому моему облегчению.

Что еще более удивительно, у меня почти сразу завелась подружка. Самопровозглашенная подружка, ибо, будь моя воля, я бы ни за что на свете не имела дела с Тами Марголд. Пухлощекая, приземистая, она смотрела на меня снизу вверх в прямом и переносном смысле и словно не понимала, что я не хочу с ней дружить, – как собачонка, которая, сколько ни прогоняй, всё равно ластится снова. Со временем я к ней просто привыкла.

Тами настигла меня в коридоре второго этажа, и в класс я вошла, сопровождаемая ее ежеутренним перечислением новостей, слухов и собственных домыслов. На ходу отвечая на приветствия, я прошла к столу наставников, где лежали подготовленные к первому уроку книги Закона. Исчерпав школьные сплетни, Тами перешла к городским:

– Кто-то снова пропал, читала? Прямо в воздухе растворился! Уже неделю найти не могут!..

В кои-то веки ее болтовня меня заинтересовала, но узнать больше о странном исчезновении не удалось – к столу подошел Кинн.

Тами прервалась на полуслове и, пролепетав, что уже взяла книгу, ретировалась на свое место в самом конце класса. Кинн лишь мельком глянул на нее, как сытый коршун на мышшь, а потом сдержанно кивнул мне. Я вежливо улыбнулась и, забрав книгу, села на свое место – прямо перед столом наставников. Кинн сел позади, слева через проход.

Кинн Террен. Мой соперник за звание самого неприступного человека в школе. И, судя по реакции Тами, первое место явно принадлежало ему.

Притворившись, будто смотрю в окно, я украдкой глянула на Кинна. Его темно-русые волосы падали на лоб, серые глаза сосредоточенно изучали книгу Закона. Суровый, отрешенный, он, как геррион, источал вокруг себя холод. Никто из одноклассников не хотел встречаться с ним взглядом.

В класс впорхнула наставница Флия, и меня вдруг словно перенесло на пять с половиной лет назад, на точно такой же урок Закона.

С начала учебы в школе прошла всего неделя, и в середине августа Зеннон накрыла одуряющая волна жары. Пока наставница Флия нараспев, как колыбельную, зачитывала Толкования Закона Серры, я смотрела, как шевелятся ее губы, как серебрится нашивка на ее синем платье, и грезилась об озерах к югу от города, куда мы с дядей недавно ездили отдыхать.

Вдруг наставница замолчала. В дверном проеме показался Утешитель – высокий, статный, в небесно-голубой форме, подчеркивающей цвет его глаз. Утешители присутствовали на судебных разбирательствах и имели право просить о смягчении наказания и даже ходатайствовать о помиловании преступников. Порой только Утешитель мог спасти человека от наказания и потому был его последней надеждой, по след ним утешением. Судя по цвету формы, перед нами был сам Первый Утешитель. Придя в себя, наставница Флия зашебетала:

– Утешитель Йёнар, приветствую вас!

– Прошу простить за столь несвоевременное вторжение. Я хотел самолично препоручить вам Кинна, но с утра меня вызывали в Совет, поэтому я был вынужден припоздниться.

Глубокий голос Утешителя обволакивал, словно горячая вода в расслабляющей ванне. Наставница Флия, зардевшись, проговорила:

– Что вы, Утешитель Йёнар, вы нам никак не помешали!..

– Рад это слышать. Кинн в начале августа немного приболел, и нам пришлось дожидаться его выздоровления. Надеюсь, несмотря на небольшую задержку, мой мальчик успешно вольется в ваше общество.

Наставница что-то утвердительно забормотала, но я уже не слушала.

Закон запрещал Утешителям, как и всем Служителям и Служительницам, иметь детей, а значит, Кинн был не родным сыном Утешителя Йёнара, а приемным. Кинн, как и я, был сиротой.

Утешитель пропустил вперед мальчика, и по классу прокатились любопытные шепотки. Высокий и симпатичный, Кинн действительно привлекал внимание. Но еще больше бросалась в глаза стена отчуждения, которую он выставил перед собой, – она была ничуть не ниже моей.

В такую минуту любой новенький вызвал бы интерес, а уж тем более – приемный сын Утешителя Йёнара. На перемене все ринулись знакомиться с Кинном. Тами, которая уже набилась мне в подружки, потащила и меня.

– Кинн, это Вира Линд, дочь того самого Эрена Линда, а также племянница Советника Дана Линда. А меня зовут Тами, Тами Марголд.

Мальчик молча выслушал ее, кивнул нам, скупой улыбнувшись, и повернулся к одноклассникам, которые наперебой заваливали его вопросами.

Я растерянно замерла рядом с Тами, которая просто глаза выпучила от изумления. Кинн был первым, кто при знакомстве со мной не издал удивленно-восторженного возгласа и не

попытался схватить за руку, расточая комплименты или расспрашивая об отце. Это было что-то новое.

Отвращиваясь, чтобы уйти, я случайно перехватила взгляд Кинна. Из моих легких вдруг словно выбили весь воздух.

Никто и никогда в жизни не смотрел на меня с такой огненно-жгучей ненавистью.

Целый месяц, натываясь на его колючий взгляд, я внутренне сжималась: что такого я натворила, чтобы заслужить подобное отношение? До школы я никогда в жизни не видела Кинна и ничего не знала о его семье. Если он и отвечал на чьи-то расспросы о себе, то всегда кратко и очень сухо. А вопрос, не приходится ли он родственником Ронсу Террену, альвионскому путешественнику и картографу, трагически погибшему несколько лет назад, Кинн просто проигнорировал.

Даже Тами, неиссякаемый источник сплетен и слухов, оказалась бессильна развеять мглу, окружавшую Кинна. Глубоко вздохнув, она сказала:

– Никто ничего толком не знает. Ну, я так думаю, что, если родители Кинна и не были важными людьми, наверняка Утешитель Йенар разглядел что-то в нем самом. – Тут Тами ожи-вилась: – А что, если Утешитель готовит Кинна себе в преемники? Не зря же он решил усыновить именно его.

Но причины, по которым Утешитель решил взять опеку над Кинном, занимали меня гораздо меньше, чем сам Кинн. Он смотрел на меня так, словно я была его личным врагом, и не раз меня посещала ужасная мысль, что он каким-то образом узнал о моей аномалии и решил, что такой самозванке в школе не место.

Однако потом случился поход в Музей истории Зеннона.

Стояла середина сентября, и день недовольно хмурился, когда мы, радуясь, что вырвались из школьных стен, свернули с аллеи Первого квартала и вышли на многолюдную Храмовую площадь. На цветной азонитовой брусчатке безмятежно ворковали голуби, и, несмотря на затянутое тучами небо, в воздухе еще чувствовались отголоски лета.

Величественный Храм Зеннона, возведенный из темно-зеленого, в светлых прожилках ласника, сразу же притягивал взгляд. Напротив, рядом со внушительным светло-серым зданием Совета, вытянулось кремово-желтое двухэтажное здание Музея, чей фасад был украшен колоннадой.

Мне всегда нравилось бывать в Музее, потому что здесь сухие факты из учебников обретали плоть: первые карты Серры, где Зеннон был еще крохотным зернышком рядом с огромным пятном Черного леса, свадебный портрет Зеннона и Деи, портреты их детей, даже портреты каждого из горячо обожаемых Зенноном псов. И, что мне нравилось больше всего, – в Музее не было ни одного настоящего камня, только рисунки и муляжи. Запирать камни в музеях, как и носить их, непробужденными, в качестве бездушных украшений, считалось варварством.

В Музее было только одно помещение, куда я никогда не рвалась, – Зал славы Зеннона, посвященный всем тем, кому город был обязан своим богатством, красотой, благополучием. Мы пришли туда в самом конце экскурсии, и, хотя мне отчаянно хотелось затеряться где-нибудь по пути, моего исчезновения не поняли бы.

В этом зале была целая стена, посвященная моему отцу. Я подходила к ней со смешанными чувствами.

С одной стороны, я отцом гордилась. На его счету числилось двадцать семь открытий и изобретений, включая разработанное сопряжение камней для повышения давления воды – теперь вода могла поступать по трубам даже на самые высокие этажи. Но главное, отец довел световой щит Зеннона до совершенства, использовав эрендины, названные так в его честь. Именно благодаря им Тени ни разу не пробили защиту нашего города, как это произошло в

Альвионе. Словом, отец подарил Зеннону безопасность, и одно это гарантировало ему место в Зале славы.

С другой стороны, была я. Ни на что не годная дочь знаменитого отца. Самозванка и лгуны. Мне стоило большого труда сохранять в этом зале свою маску.

Наставница Флия, красноречиво расписывая достижения моего отца, то и дело мне улыбалась. Как никогда я чувствовала себя в центре всеобщего внимания, чувствовала неприязненный взгляд Кинна, который словно высвечивал мою ложь, и из последних сил старалась играть роль почтительной и не менее талантливой дочери.

Я стояла перед отцом и лгала – каждым своим взглядом, каждым движением, каждым вздохом. И пусть здесь всего лишь висел его портрет, это было невыносимо. Поэтому, когда все потянулись на выход, я немного задержалась, чтобы сказать отцу «прости». Чтобы хоть на полминуты снять свою маску.

Этого оказалось достаточно, чтобы меня заметили.

Повернувшись, чтобы уйти, я столкнулась взглядом с Кинном. Тот сразу же отвернулся, но я обомлела. Вместо враждебности в его дымчато-серых глазах сквозила растерянность.

После этого эпизода я стала постоянно наткаться на пристальное внимание Кинна, будто он оценивал меня, изучал, стараясь понять, какая Вира – настоящая. Рядом с ним мне всегда приходилось удваивать свою осторожность. И всё же однажды я попалась.

Меня пригласили на свое тринадцатилетие брат и сестра Аксарры. Одно время сестра, Лея, та самая бойкая девчонка, которая когда-то предложила сыграть в жабу, набивалась ко мне в подружки, а ее брат Марен чуть не каждый день признавался мне в любви. Но в целом они были неплохими, и, сложись всё по-другому, я была бы не против дружить с ними.

Уже несколько лет все вокруг только и обсуждали, какие умопомрачительные праздники устраивают Аксарры – их отец был главой Гильдии искусств. Но каждый год я упорно отклоняла приглашения, поскольку не могла рисковать. Однако в этот раз ожидалось что-то поистине невообразимое: катание на корабликах по Венне, пикник с играми в Садах Деи, световые иллюзии, – а еще ходили слухи, что на бал пригласили едва ли не всех бардов из Гильдии искусств.

Невероятным усилием воли я заставила себя сидеть в классе со скучающим выражением лица, пока рядом заливалась восторженная Тами. Еще большее усилие мне потребовалось, чтобы позже отказать Лее и Марену.

– Дядя едет на озера, я еду с ним, – заявила я.

Лица двойняшек одинаково опали, и мне показалось, что Марен взглянул на меня как-то особенно грустно. Когда они ушли и Тами унеслась вслед за ними в надежде выведать еще какие-нибудь сочные подробности, я встала у окна, делая вид, что рассматриваю школьные теплицы, все в ярких отблесках июньского солнца. И, хотя в классе больше никого не осталось, тихо вздохнула, чувствуя, как защипало в уголках глаз.

Ни на какие озера с дядей в эти выходные я не собиралась. В лучшем случае мне бы пришлось просидеть дома в гордом одиночестве. А в худшем... Рядом находилась Нелла, которая никогда не упускала возможности прочесть мне очередное поучение.

Но разве я хочу слишком многого? Хотя бы раз, один только раз побыть как все – повеселиться, забыв обо всем на свете, натанцеваться так, чтобы ноги болели...

По щеке поползла предательская слеза, за ней – другая, в груди опасно заклокотало, и, чтобы не разрыдаться, я стиснула костяшку пальца зубами – до боли, до кровавого следа. Нельза плакать. Только не здесь.

В окне вдруг что-то шевельнулось, и я с ужасом поняла, что это чье-то отражение. Кто-то бесшумно подошел ко мне сзади.

– Они сейчас вернутся.

Кинн.

Медленно разжав зубы и выпустив палец, я вытерла слезы, выпрямила спину.

Когда я обернулась, Кинн уже сидел на своем месте, уткнувшись в учебник. Не поднимая больше на него глаз, я прошла к своему столу. Когда в комнату ввалилась шумная толпа одноклассников, мое лицо уже приняло обычное выражение.

Только Кинн знал, что палец я поранила не об оконную защелку. И только он видел, что горячка Вира Линд – всего лишь маска. И я ничего не могла с этим поделать.

– Эй, Вира, ты идешь?

Я вздрогнула, увидев пухлые руки Тами на своем столе. – Что?..

Вокруг царила суета, все довольно переговаривались. Похоже, пока я предавалась воспоминаниям, урок Закона благополучно закончился.

Тами прыснула в кулак:

– Вира, ты в последнее время такая рассеянная. Это так на тебя не похоже! Ты, часом, не влюбилась?

Я отвернулась, не желая отвечать, и наткнулась взглядом на Кинна, который исподлобья наблюдал за мной. Покраснев против воли, я опустила голову, словно меня на чем-то подловили.

Глаза Тами тут же расширились:

– Вот это да! И кто он? Я его знаю?

Ее глупость вывела меня из равновесия, и я сорвалась:

– Это не твое дело!

Тами заморгала, обидевшись, но тут же спрятала досаду за виноватой улыбкой:

– Да-да, конечно, извини. Это и правда не мое дело.

Чтобы отвязаться от нее, я направилась в уборную, но перед этим заметила, как Тами отошла к своим приятельницам и начала с ними взволнованно шептаться. От злости я едва не закричала зубами. И дернуло Кинна посмотреть на меня именно в тот момент. Из-за него и из-за этой дурочки Тами теперь вся школа будет сплетничать о том, что Вира Линд в кого-то влюбилась, а каждый второй – утверждать, что именно в него.

Я глубоко выдохнула, чтобы успокоиться. Вспомнила платье, которое дожидалось меня дома. Что ж, возможно, теперь подобные слухи будут мне на руку. И даже дядя останется доволен.

Под конец дня Тами настолько утомила меня своим любопытством, что я с радостью сбежала от нее в библиотеку. Это было единственное место во всей школе, где Тами почти не появлялась, заверяя всех и каждого, что у нее аллергия на библиотечную пыль. Хотя я была уверена: всё дело в том, что библиотекарь Аррин очень строго относился к соблюдению тишины.

Я заняла привычное место за столом в нише у окна, там, где привлекала меньше внимания, подготовила книги и достала свои заметки. Но сосредоточиться никак не получалось.

Тами ошиблась, я не была ни в кого влюблена. И уж в кого я точно не была влюблена, так это в Кинна, такого замкнутого и непонятного. Просто он оказался... другим. Единственным человеком во всей школе, который не лицемерил передо мной, не напрашивался на дружбу, не пытался втереться в доверие или, убереги Серра, притвориться влюбленным в меня – я уже и считать перестала, сколько было таких попыток. Почти шесть лет непрерывной лжи научили меня ценить искренность.

А после того случая с Аксаррами между нами с Кинном что-то неуловимо поменялось. Когда я поняла, что он не собирается срывать с меня маску, мне стало легче дышать.

И теперь, сидя в библиотеке, я ждала, когда Кинн придет для совместного занятия по диалектам серрийского языка.

Наставник Луккиан верил, что совместная работа идет учебе на пользу. На его уроках, изучая серрийский, мы занимались в парах. Моей бессменной напарницей была Тами, рядом с Кинном со страдальческим видом сидел Марен.

В прошлом году, когда мы закончили изучение основных диалектов, наставник Луккиан объявил, что в качестве дополнительных занятий нам потребуется представить островные – разбившись на пары, рассказать о фонетических, грамматических и лексических их преобразованиях на протяжении всей истории Серры и о влиянии на другие наречия.

– *Без изменения нет жизни*, – провозгласил наставник на древнесеррийском языке, которым время от времени любил пощеголять, и продолжил уже на современном: – Поэтому я прошу вас разделиться на пары по-иному. Сейчас я распределю диалекты среди юношей, а вы, барышни, сможете выбрать тот, который вас больше заинтересует.

Наставник Луккиан, кажется, искренне не понимал, что его предложение могло быть истолковано как-то по-другому. Между тем в классе взметнулись возбужденные шепотки, преимущественно со стороны девушек.

Наставник попросил всех юношей выйти вперед и назвал шесть островных диалектов. Едва он закончил, поднялся шум, каждая моя одноклассница что-то выкрикивала. Сраженный таким воодушевлением, наставник Луккиан кое-как распределил первые четыре пары.

Оставались только Марен и Кинн. Марену достались Худые острова, и даже всегда выручавшая его сестра отказалась от диалекта простых рыбаков. Кинн, напротив, получил Пряные острова, славящиеся одним из самых своеобразных и интересных диалектов в Серре, но никто не стремился его выбрать.

Из девушек без пары были только мы с Тами, и она не рискнула сделать выбор первой. Избегая умоляющего взгляда Марена, я произнесла спокойно и холодно:

– Пряные острова.

Сзади донесся облегченный вздох Тами.

С тех пор раз в неделю мы встречались с Кинном наедине в библиотеке. Чаще всего каждый молча сидел со своей стопкой книг и выписывал необходимые сведения. Изредка мы сверяли свои успехи.

Через какое-то время я поняла, что с нетерпением дожидаюсь этих почти молчаливых часов, когда мне не надо было притворяться ледяной и гордой Вирой Линд.

Когда в начале этого года наставник Луккиан снова предложил дополнительные занятия – на этот раз для изучения малых диалектов, – я не задумываясь выбрала Кинна, хотя на этот раз ему досталась трудная тема. Но мне не хватало нашего совместного молчания.

А сегодня Кинн опаздывал.

Я убедилась, что поблизости никого нет, и из стопки заметок вытащила помятый листок бумаги. Там были нарисованы восточное побережье Серры и Пряные острова. Этот листок Кинн выбросил еще в прошлом году, а я, повинаясь непонятному порыву, подобрала и сохранила. Просто потому, что я люблю карты, а Кинну они явно удаются – это ясно даже по наброскам.

Я услышала шаги за пару мгновений до того, как Кинн подошел к столу, и едва успела спрятать листок. Чувствуя, что краснею, я напустила на себя занятой вид, чтобы не встречаться с ним взглядом.

– Привет, тебя можно отвлечь?

Голос Кинна звучал как обычно, но почему-то его было приятно слышать.

Я подняла голову.

– Да, конечно. В чем дело?

Кинн держал в руках небольшой деревянный ящичек. Сердце у меня неприятно ёкнуло.

– Наставник Сарден просил оказать ему услугу. Тут геррионы. Их необходимо рассортировать по силе. Тут нужна точность, и я подумал, что ты могла бы помочь...

Руки у меня похолодели так, словно я уже прикоснулась к камням.
Несколько секунд, не дыша, я смотрела на ящичек в руках Кинна.

– Я... – голос предательски дрогнул.

Как мне отказаться, не вызвав подозрений? Грудь сдавило, голова закружилась – мне показалось, что я сейчас потеряю сознание.

От Кинна не укрылось мое состояние:

– С тобой всё в порядке?

Я постаралась взять себя в руки.

– Да, конечно. Я бы помогла, просто... Сколько сейчас времени?

Поискав глазами настенные часы, я притворно удивилась:

– О, уже четыре часа! Мне надо спешить домой. Меня ждет платье... Сегодня последняя примерка.

Заметив недоумение в глазах Кинна, я опустила взгляд на заметки и сдавленно добавила:

– Послезавтра моя помолвка.

Мне послышался резкий вдох, но, когда Кинн заговорил, его голос звучал по-прежнему ровно и отстраненно:

– Конечно, если тебе надо спешить... Я сам справлюсь.

Чувствуя странное желание расплакаться, я торопливо сгребла заметки и книги и уже приготовилась уйти, когда Кинн тихо сказал:

– Поздравляю.

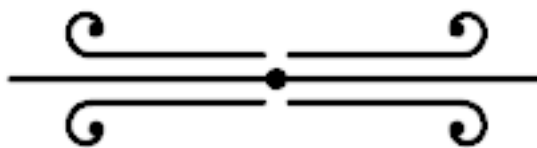
Я нашла в себе силы слегка улыбнуться и кивнуть, а потом зашагала прочь так быстро, что даже ковер не смог заглушить мои шаги. Библиотекарь Аррин оторвался от заполнения каталога и поднял на меня удивленный взгляд. Стараясь не показать, что у меня трясутся руки, я положила книги на дубовую стойку и вежливо попросила:

– Если можно, поскорее, пожалуйста.

Пока библиотекарь оформлял возвращенные книги, я сцепила перед собой руки, до боли впившись ногтями в подушечки пальцев.

Когда-то мне казалось, что мы с Кинном похожи на два самых высоких пика Серебристых гор – такие же недостижимые, холодные и одинокие. Пусть так и останется.

Особенно теперь, когда мне предстоит выйти замуж за другого человека.

Глава 3

Хейрон Бернел оказался совсем не таким, каким я его себе представляла.

Когда в день помолвки Нелла провела меня в дядин кабинет, я готовилась увидеть иссушенного учебой молодого человека с грустными преданными глазами – а чего еще ожидать от человека с именем самого верного пса в истории города?

Но ни грусти, ни особого рвения к учебе в Хейроне заметно не было. Наоборот, мне стоило большого труда представить его запертым в душной аудитории с разложенными на столе камнями и корпящим над вторым множественным сопряжением. Хотя зеленая студенческая форма наверняка ему очень шла.

Хейрон был на пять лет меня старше и почти на полторы головы выше. Со светлыми волосами, как у отца, в темно-синем, с иголки, костюме, он был элегантен, изыскан и, без сомнения, красив. И идеально вписался бы в любое феерическое празднество, например у Аксарров.

Про себя я порадовалась, что, несмотря на скромность церемонии, дядя не поспешил на платье, а Нелла собственноручно убрала мои волосы в замысловатую прическу, украсив золотой цепочкой с цветками, декорированными лазурной эмалью.

Под портретом моего отца стоял мой будущий супруг, рядом негромко переговаривались его родители – оба в бордовых тонах Торговой гильдии – и дядя. Ощущая всеобщее пристальное внимание, стараясь не краснеть и не наступать на подол платья, я подошла к собравшимся. Краем глаза я заметила на дядином столе уже приготовленные для подписи договоры и помолвочные кольца.

Едва мы обменялись поклонами и приветствиями, как мать Хейрона, Ния Бернел, урожденная Родд, вышла вперед и, схватив меня за плечи, прижала к пышной груди:

– Душечка, как мы рады!

В отличие от нее я была совсем не рада: запах ее духов был таким резким, что мне захотелось чихнуть. К счастью, она быстро отпустила меня и взялась за мое платье. В прямом смысле: слегка склонив голову набок, она пощупала полупрозрачную ткань рукава.

– Знакомый шелк, глаза меня не обманули! Советник Дан, вы же у нас его приобрели? Посчитаю это комплиментом!

Дядя слегка поклонился, а мать Хейрона, оглядев меня с головы до ног, задержала взгляд на жемчужных пуговицах – мне показалось, она их считает. Наконец она расплылась в широкой улыбке, словно довольная покупкой матрона:

– Ты просто прелесть, дорогая!

Чувствуя сильную неловкость от такого бесцеремонного обращения, я скромно поблагодарила ее, втайне надеясь, что Огаст Бернел не последует примеру жены. Но, судя по тому, что отец Хейрона не двинулся с места, глядя на меня с прохладцей, стало ясно, что «душечки» от него можно не ждать. Хоть какое-то облегчение.

Наконец ко мне подошел сам Хейрон. Голубые глаза, унаследованные им от матери, смотрели внимательно и с интересом, настолько живым, что мое сердце забилося быстрее. Мне отчаянно захотелось спрятаться, как вдруг мой жених улыбнулся – открыто и приятно:

– Очень рад встрече с вами...

Я мимоходом подумала, что он сейчас поцелует мне руку, но он ограничился простым полупоклоном. Меня коснулся легкий и притягательный аромат его парфюма с мягкими нотками кедмарского ильвиниума.

Дядя сухо пригласил нас к письменному столу. Договор я прочитала заранее, поэтому сразу поставила свою скромную подпись рядом с дядиной, выверенной и четкой, которую он, будучи моим опекуном, оставил еще накануне. Затем Хейрон размашисто выписал многочисленные завитушки своего имени.

Когда с этим было покончено, дядя передал Огасту Бернелу копию договора и придвинул к нам с Хейроном серебряный поднос, на котором лежали помолвочные кольца – из белого золота с черным жемчугом. Жемчуг и так был редкостью, а откуда взялся ценнейший черный, особенно теперь, после нашествия Теней, я не представляла. Дядя украшениями никогда не интересовался. Возможно, у Бернелов оставались какие-то запасы с прошлых времен или же это было их семейное наследие.

Мои пальцы задрожали, когда я подняла кольцо для жениха. Хейрон стоял так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло. Он улыбнулся и протянул левую руку. Задержав дыхание и больше всего опасаясь, что выроню кольцо, я быстро надела его на указательный палец Хейрона и тут же убрала руки.

Хейрон, наоборот, не стал торопиться. Взяв меня за запястье, он медленно надел кольцо на мой палец. Движения его были плавными, мягкими и одновременно решительными. Не успела я пошевелиться, как он прижал мою ладонь к губам, а затем не спеша отпустил. Сердце затрепетало у меня где-то в горле.

Ния Бернел разразилась шумными поздравлениями, к ней присоединились ее муж и мой дядя.

– Теперь позвольте предложить вам нуммийское красное, после чего я с удовольствием покажу наш дом, – голос дяди прозвучал еще официальной, чем обычно, словно он присутствовал не на помолвке, а в городском Совете.

При упоминании вина Огаст Бернел заметно оживился – ведь после того как Нумм поглотили Тени, нуммийское красное стало раритетом – и первым последовал за дядей к небольшому столику у дивана, где в специальной оплетке с геррионом дожидалась прохладная бутылка и теснились бокалы и тарелки с закусками.

Кольцо на пальце казалось непривычным, чужеродным, а место поцелуя до сих пор горело, и я держалась от жениха на некотором расстоянии, не особо представляя, как теперь себя вести.

К счастью, после нескольких тостов мы покинули кабинет и отправились вниз, где нас встретила Нелла. По тому, как Ния Бернел оглядела любимое лавандовое платье Неллы, и по взгляду, который та подарила гостю в ответ, я подумала, что в лице друг друга они встретили достойных соперниц. Если бы не волнение, я бы, наверно, почувствовала легкое злорадство.

Знакомство с домом решили начать снаружи. Дядя шел впереди и сжато, безэмоционально рассказывал об истории здания, архитектурных особенностях и штате прислуги. Рядом с ним шагал Огаст Бернел, далее следовали Ния Бернел и слегка раздраженная Нелла. Мы с Хейроном замыкали процессию.

После смерти моего отца дядя продал и наш семейный дом, и тот, в котором жил сам, чтобы купить этот особняк, более соответствующий его статусу Советника. Дядя планировал, что после свадьбы мы с Хейроном останемся жить здесь, в этом доме, по крайней мере на

первое время. В глубине души я была ему за это чрезвычайно благодарна: меня пугала одна мысль о том, чтобы жить в чужом доме с чужой семьей.

Незаметно Хейрон замедлил шаг.

– Думаю, теперь мы можем обращаться друг к другу на «ты». – Дождавшись от меня смущенного кивка, он спросил: – Признайся, когда ты услышала мое имя, сразу же нарисовала себе беднягу-пса с поднятыми ушами и грустным-прегрустным взглядом?

Кровь прилила к моим щекам, и мой жених слегка улыбнулся.

– Когда отец давал мне это имя, скорее всего, он не представлял, что в Музее истории одноклассники, выискивая сходство, будут просить меня встать под портретом этого несчастного пса. Правда, я позволил им это сделать всего один-единственный раз. Как оказалось, некоторые из них походили на этого пса гораздо больше.

Хейрон усмехнулся, и взгляд его на мгновение стал жестким. Затем он продолжил как ни в чем не бывало:

– Зато сейчас, когда я представляюсь, все видят во мне законопослушного гражданина, олицетворение верности Зеннону. Они видят...

– То, что хотят увидеть, – неожиданно для себя закончила я.

– Именно, – Хейрон, казалось, не удивился, что я его перебила. – Думаю, что касается имен, ты можешь понять меня лучше, чем кто-либо другой. Как и я – тебя.

Он взглянул мне прямо в глаза, и дыхание у меня сбилось. Я не ожидала, что между мной и этим красивым, уверенным в себе человеком может найтись что-то настолько общее, настолько личное.

Какое-то время мы шли в молчании, сопровождаемые громким голосом Огаста Бернела, которого нуммийское красное привело в хорошее расположение духа, монотонными репликами дяди и несмолкаемым журчанием Нии Бернел и Неллы, которые, судя по всему, сошлись в пренебрежении к альвионской моде. Наконец Хейрон сказал:

– Эта помолвка для нас обоих неожиданна. Но я надеюсь, что в твоём сердце найдется для меня место. В свою очередь я чрезвычайно рад, что у меня такая прекрасная невеста.

Он мягко взял меня за руку и снова посмотрел прямо в глаза, словно видел там что-то, чего не замечал никто другой. Смутившись и почувствовав, как краска заливает щеки, я опустила взгляд.

Вскоре мы вернулись внутрь, чтобы продолжить осмотр дома, и Хейрон, словно вознамерившись преодолеть неловкость, развлекал меня историями о приятелях-студентах, о праздниках и о прогулках. Я чувствовала себя так, будто мы с ним давным-давно знакомы.

Наконец мы поднялись на третий этаж, на противоположную от моей комнаты половину, где мы с Хейроном должны были жить после свадьбы. Мой жених с улыбкой осматривал наши будущие комнаты, а я вдруг словно очнулась, и на меня обрушилось осознание того, что я стою под руку с совершенно незнакомым человеком – человеком, который через месяц полностью и бесповоротно войдет в мою жизнь.

И я совсем не была уверена, что готова к этому.

С того дня Хейрон частенько заезжал за мной, и мы в сопровождении Неллы отправлялись гулять по городу, а иногда – на концерты и спектакли. Раз в неделю мы ужинали с его родителями, и с каждым разом Огаст Бернел обращался со мной всё любезнее. Хотя, возможно, в этом была заслуга дядиного винного погреба.

Хейрон вел себя неизменно учтиво и предупредительно. В тех случаях, когда требовалось применить дар камневидения, например чтобы проверить денежные камни, он делал это просто и естественно, позволяя мне не так остро чувствовать собственную беспомощность. С ним я ни разу не оказывалась в такой же неловкой ситуации, как когда-то с Неллой и музыкальной шкатулкой. Я до сих пор отчетливо помнила тот случай.

На мой одиннадцатый день рождения мы с Неллой отправились в «Милден» – магазин, славившийся своими затейливыми вещами. Игрушечные модельки экипажей, движущиеся при помощи сардаллов, необычные светильники из люминариев, ящички с секретами, изысканные чернильницы и карандашницы, настольные игры и музыкальные шкатулки... Десятки музыкальных шкатулок, от которых у меня захватывало дух.

Целый час я с наслаждением рассматривала модели, не решаясь взять хоть какую-то в руки. Услужливый продавец показал мне несколько разных шкатулок. А потом он открыл одну, прямоугольную, довольно большую, – и я поняла, что это *она*. Сверху на черной лакированной крышке разместилась картина с детально прорисованными птицами и цветами, по бокам вился растительный орнамент, а внутри... внутри, на дне, обнаружилась карта Серры, в углу которой серебрилась роза ветров.

Как только крышка открылась, зазвучала «Ода новой земле» – пронизанная надеждой и радостью мелодия, посвященная моменту, когда корабль Серры и Иалона прошел сквозь узкий пролив между Северными островами и глазам Предков открылась новая земля.

Сердце защемило, и я едва могла рассмотреть карту из-за выступивших слез. Довольный произведенным впечатлением, продавец широко улыбнулся:

– Вы не видели самого главного. Коснитесь ронда.

Мои слезы мгновенно высохли, и я с испугом посмотрела на молочно-белый камень в центре розы ветров, а потом на Неллу. Она стояла рядом и выжидательно улыбалась, словно позабыв о моей неспособности пробуждать камни. Я будто облилась горячим супом, так стало жарко и неловко. Я совершенно растерялась, а продавец в недоумении переводил взгляд с меня на Неллу. Наконец, насладившись моими мучениями, Нелла с приторной улыбкой пожурела меня:

– Как можно быть такой нерешительной, Вира! Позвольте мне.

Изящным движением она коснулась ронда, и из потайного отверстия в стенке шкатулки вынырнул крошечный корабль, который под новую мелодию обогнул Серру по нарисованным морям Сестер, отделяющим материк от пояса островов.

От унижения я не могла говорить и только кивнула, когда продавец поинтересовался, будем ли мы брать шкатулку. Но каждый раз, когда я открывала ее, чтобы полюбоваться картой и послушать музыку, передо мной вставала сцена в магазине. Так что я убрала шкатулку в самый нижний ящик комода – как напоминание о пережитом унижении – и больше никогда не доставала.

Рядом с Хейроном ничего подобного мне не грозило. Наоборот, он старался всячески мне угодить. Он часто развлекал меня, рассказывая о себе, об учебе в Академии камневидцев, о подготовке к поступлению в Академию Закона при городском Совете, о торговом деле Бернелов и Роддов, о своих знакомых и всевозможных забавных историях, которые с ними случались. Куда бы мы ни шли, я замечала, какими взглядами провожали его девушки, и мне льстило, что он пытается произвести на меня впечатление не только своим внешним видом.

Но было кое-что еще. Меня смущало то, как Хейрон иногда смотрел на меня, как касался – в его взглядах и прикосновениях таилось что-то, заставляющее чувствовать сильное внутреннее напряжение. И чем меньше времени оставалось до дня свадьбы, тем сильнее я нервничала.

Как я и ожидала, в школе моя помолвка не прошла незамеченной. Когда я с обычным высокомерным выражением на лице шла по коридорам, за мной, как змеи, ползли шепотки:

– Посмотрите на ее руку... это же помолвочное кольцо!

Больше всего я опасалась реакции Тами, и та не подвела: едва завидев блеск кольца, она налетела, как ураган из Штормовых морей, и завалила вопросами. Ее стрекотание подняло на уши весь класс, и все бросились меня поздравлять, даже Марен, который якобы продолжал по мне сохнуть.

Все, кроме Кинна, которого, кажется, ничто не могло отвлечь от учебника. Конечно, ведь он уже поздравил меня тогда, в библиотеке.

Но за последующий месяц я заметила, что Кинн стал отворачиваться от моего взгляда, он скрывался из виду, если я шла в его направлении, а главное, больше ни разу не явился на наши еженедельные встречи в библиотеке.

Кинн однозначно странно себя вел. Нет, хуже. Он меня избегал.

Мне было неприятно признавать, как сильно меня задела эта мысль. Казалось, за долгие часы работы в библиотеке между нами установилось что-то вроде молчаливого взаимопонимания. Теперь же Кинн снова выставил между нами барьер, словно я была Тенью, от которой он хотел отгородиться.

За неделю до свадьбы я решила поговорить с Кинном – о нашей работе над южными диалектами, которая с моей стороны зашла в тупик. Но едва я к нему направилась, Кинн прошел мимо меня к наставнице Флие и о чем-то ее спросил. Я нерешительно застыла, чувствуя разочарование, и тут Тами, прильнув к окну, взбудораженно спросила:

– Кто этот красавчик? На нем форма Академии камневидцев. Это чей-то брат?

Тами обступили заинтригованные приятельницы, и тут же послышались их восторженные охи и ахи. Я оглянулась на Кинна, погруженного в беседу с наставницей, и подошла к окну. Но, бросив взгляд вниз, будто окаменела.

Там, у ворот, на всеобщем обозрении стоял Хейрон.

Он ничуть не смущался вниманием, наоборот, кажется, был весьма доволен и расточал улыбки направо и налево. Когда девчонки во главе с Тами едва не вывалились из окна, чтобы получше его рассмотреть, Хейрон поднял глаза вверх. Еще миг – и он бы меня заметил.

Я отшатнулась от окна с колотящимся сердцем. Что он здесь делает?

Мои пальцы непроизвольно вцепились в пустое левое запястье, и я в который раз пожалела, что не ношу браслет в школу. Я не заметила ни нашего фаэтона, ни Неллы. Странно, она ни о чем таком меня не предупреждала.

Услышав, как Кинн благодарит наставницу, я пришла в себя. Сейчас было самое время поговорить с ним, но занятия сегодня и так закончились поздно, Хейрону вот-вот может наскучить ожидание, и он начнет спрашивать выходящих обо мне. И тогда мы оба окажемся в неловкой ситуации – жених дожидается невесту, пока та разговаривает с одноклассником. Дяде это бы точно не понравилось.

С тяжелым сердцем я спустилась вниз и, стараясь скрыть раздражающие меня чувства, вышла во двор. Каждый шаг давался с трудом, чужое внимание отзывалось покалыванием на коже.

Хейрон заметил меня и, широко улыбаясь, двинулся навстречу. Зеленая форма Академии ему действительно шла. На груди с левой стороны гордо поблескивала нашивка Гильдии камневидцев – «снежинка» из семи камней, где каждый, кроме центрального камня-сердца, обозначал ценное для камневидца качество. Аббревиатура из названий первых четырех качеств и составляла мое имя.

Не успела я поприветствовать Хейрона, как он обнял меня. Откуда-то сверху до нас долетело многозначительное «о-о-о!», явно от Тами и компании. Мне хотелось вырваться из объятий, но Хейрон не торопился меня отпускать, и когда он наконец это сделал, я вся горела, а голова кружилась от его парфюма – в этот раз с пьянящим ароматом вернейской розы и лидского кедра.

– Пойдем! Поскольку ты сегодня позднее, чем обычно, я выпросил у твоей строгой гувернантки право встретить тебя.

Я собиралась ответить что-нибудь уместное, но у меня отнялся язык, когда слева нас миновал Кинн и, даже не посмотрев в мою сторону, скрылся за воротами. Что за детское поведение!

Заметив, что Хейрон вопросительно глядит на меня, я с трудом улыбнулась и, позволив взять себя под руку, последовала за ним.

Вместо кареты мой жених приехал в своем фаэтоне, который поразил меня чужими запахами и слишком яркими красками. Станным образом мне показалось здесь ужасно тесно: как бы я ни устраивалась на сидении, Хейрон был чересчур близко.

Молчание в этот раз тоже было иным – сгустившимся, напряженным. Чувствуя внимательный взгляд Хейрона, я поспешила нарушить тишину:

– Куда мы едем?

Он ответил не сразу.

– Хотел устроить тебе сюрприз, сделать особый подарок на день рождения. И немного отдохнуть от вездесущей Неллы.

Я ответила на его улыбку, хотя впервые в жизни почувствовала, что мне не хватает присутствия компаньонки. Вчера мы тихо отпраздновали мое совершеннолетие, и, видимо, поэтому сегодня Нелла решила меня не сопровождать.

Тем временем мы въехали в квартал Гильдии целителей, где сам воздух был пропитан стойким запахом трав и бальзамов, и Хейрон завел непринужденный разговор о своих знакомых из Гильдии искусств и о предстоящих концертах. Одна ко меня не покидало ощущение, что мыслями он где-то далеко или, наоборот, слишком близко – он часто задерживал на мне взгляд, от чего становилось не по себе.

Наш фаэтон вывернул на Малую Рыночную площадь и резко остановился, заставив меня вздрогнуть. Хотя сегодня был не рыночный день, перед нами теснилась толпа.

Хейрон нетерпеливо окликнул кучера:

– Что там?

Тот обратился к прохожему, а потом обернулся с неясным огоньком в глазах:

– Кажется, поймали воришку, господин.

Хейрон присвистнул, а у меня разом отнялись ноги. Кто в своем уме решил нарушить Закон?

Мой жених приказал подъехать поближе. В ответ на звонкие покрикивания кучера люди недовольно уступили нам дорогу, и фаэтон потихоньку тронулся. Вскоре мы оказались перед небольшим бакалейным магазинчиком, откуда вышли два Карателя в черной униформе с капюшоном и черных масках, закрывающих лица. Между собой они тащили мальчишку, вряд ли старше рыжеволосого Тэна, что встретился мне у жертвенника Деи.

Толпа, которая еще минуту назад бушевала, как озеро в бурю, стихла, а потом по ней, как легкая волна, прокатился вздох облегчения. Раз мальчик несовершеннолетний, значит, его не изгонят.

Но я не удержалась:

– Он совсем ребенок...

Хейрон, с любопытством разглядывая Карателей, пожал плечами.

– Как говорится, закон для всех един. Пусть благодарит Зеннона, что к малолетним проявляют снисхождение. Уж наверняка он с превеликим удовольствием предпочтет отсидеться в пенитенциарии, чем встретиться с Тенями.

Подземелье пенитенциария могло вызвать любые чувства, кроме удовольствия, но я была согласна с Хейроном: нет ничего хуже изгнания.

Каратели посадили мальчика в крытую повозку, для которой тут же освободили дорогу, и тронулись под перешептывание толпы. Хейрон задумчиво улыбнулся:

– Слуги Закона. Достойная работа. Единственный недостаток – приходится быть в тени.

Черная униформа Карателей и их закрытые лица всегда приводили меня в смутный трепет, поэтому я промолчала.

Мы продолжили путь, словно корабль в людском море, но у меня перед глазами продолжал стоять тот мальчик – с залатанными, слишком короткими штанишками и отрешенным, потухшим взглядом. Неожиданно меня взяла злость: на месте бакалейщика я бы закрыла глаза на воровство. Но, поймав себя на этой предательской мысли, я постаралась ее тут же отбросить. Так не годится. «Закон для всех един». В конце концов, мальчику действительно повезло.

Я настолько ушла в себя, что перестала замечать, куда мы едем, и очнулась, только когда Хейрон довольно произнес:

– Ну вот мы и на месте!

Я огляделась, и мое сердце ёкнуло, когда я поняла, где мы.

Сад вечерних камней.

Самое красивое и романтическое место в Зенноне.

Раньше с завидной регулярностью мне предлагал сюда прогуляться Марен, но я всегда отказывалась. А приехать посмотреть на Сад с Неллой, хотя бы днем, мне даже в голову не приходило.

Сад вечерних камней не мог сравниться по размеру с огромными Садами Деи, но его главным отличием были люминарии, которые искусно украшали аллеи, загораясь с наступлением вечера и создавая непередаваемую атмосферу. По крайней мере, так говорили.

Мы прибыли рано – до заката оставалось больше часа, и люминарии еще не горели. Хейрон, лучезарно улыбаясь, повел меня по главной аллее вглубь Сада, откуда доносилась приглушенная музыка. Деревьев здесь было немного, чаще встречались фигурно подстриженные кусты и клумбы с люминариями. Кое-где высились изящные статуи.

Людей было много, и все празднично одеты. Я внезапно пожалела, что на мне простое школьное платье. Кажется, Хейрон заметил мое смущение:

– Для меня ты выглядишь прекрасно в любом наряде.

Покраснев, я заставила себя благодарно улыбнуться и перевела взгляд на тележку мороженщика, мимо которой мы проходили. Хейрон тут же подвел меня к ней. Нелла была не большой любительницей мороженого, поэтому я наслаждалась им лишь дома, по праздникам. От тележки исходил холод: металлические сосуды с мороженым были обложены геррионами.

Сортов было не меньше двадцати, и я после длительного размышления выбрала базиликовое с кусочками клубники, а Хейрон взял сливочное с перцем.

Мы неторопливо шли по аллее, поедая мороженое из вафельных рожков костяными ложечками, и обменивались впечатлениями о последнем выступлении известного на весь Зеннон барда Диммана Димерра, с которым Хейрон был шапочно знаком. В этот момент мне подумалось, что я могу представить себе жизнь с Хейроном. И она будет весьма неплохой.

Людей становилось всё больше, и, доев мороженое, мы свернули с главной аллеи, чтобы избежать сутолоки. По неширокой дорожке, обсаженной нежно пахнущими кустами рододендрона с карминно-розовыми цветами, мы вышли на круглую площадку, посередине которой журчал фонтан. Он представлял собой большую чашу, а в центре ее высилась скульптура трех немор – сказочных существ, полуженщин-полурыб, которые выманивали неосторожных рыбаков и путешественников из спокойных морей Сестер во власть Штормовых морей. Каждая немора – длинноволосая, прекрасная, хищная – держала кувшин в виде морской раковины, откуда лилась вода.

– О чем задумалась?

Наверное, я слишком долго молчала, завороченная игрой воды, поэтому вопрос застал меня врасплох. Я растерялась, но еще больше испугалась того, как близко придвинулся ко мне Хейрон. Стараясь незаметно отстраниться, я спросила первое, что пришло в голову:

– Почему ты согласился на эту помолвку?

Хейрон испытующе посмотрел на меня, словно решая, что ответить.

– Изначально это была идея матери. Когда отец получил первое письмо от Советника Линда, он сильно сомневался, хотел отказать. Но мать – та пришла в восторг. «Это прекрасная сделка для всех нас», – то и дело говорила она. – Мне показалось, что в голосе Хейрона проскользнула нотка презрения. – Что касается меня – в общем, я был не против. Но, признаться, твоя... ситуация меня заинтриговала. Во всем этом было что-то необычное. И мне стало любопытно, как выглядит та самая Вира Линд, которую мне прочили в невесты. И тогда я отправился на тебя посмотреть.

Я вскинула голову, не в силах найти слова от изумления. Хейрон скользнул взглядом по моим губам и продолжил:

– Мой слуга узнал, что каждую неделю в день Предков ты отправляешься на прогулку в Сады Деи. Я взял фаэтон, дождался тебя возле дома и последовал за тобой в Сады, дошел до самого жертвенника Деи. Потом вернулся домой и, поговорив с отцом, убедил его сразу же написать ответ Советнику Линду.

Мое дыхание сбилось, я никак не могла отдышаться, словно перед грозой, когда не хватает воздуха. Значит, в тот злосчастный день в Садах мне не показалось – за мной действительно следили. И это был Хейрон. Наконец я спросила:

– Почему?

– Почему? – Он взял мою левую руку и не спеша прочертил на ладони линию – от запястья до кольца, так, что я вздрогнула. – Потому что понял, что хочу, чтобы ты стала моей женой, Вира.

В сгустившихся сумерках выражения его лица было не разобрать, но я больше ничего не успела сказать.

Один за другим начали загораться люминии: сначала – белые и желтые, потом – голубоватые, следом – розовые, красные и зеленые. Завороженная игрой света, я следила, как повсюду в калейдоскопе огней складывались причудливые узоры и гармоничные композиции. Вода в фонтане вспыхнула и замерцала, преломляя зеленоватый свет камней. Откуда-то медленно и нежно поплыла музыка.

Хейрон улыбнулся и привлек меня к себе. Меня накрыло ароматом его парфюма, и я начала задыхаться, чувствуя себя словно в тисках, но не успела ничего сделать, когда он наклонился и поцеловал меня прямо в губы.

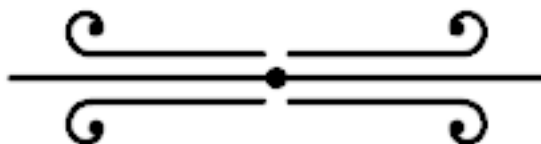
Его поцелуй был горячим и решительным и пах перцем. Я хотела отклониться, но Хейрон еще крепче прижал меня к себе. Молча, с нарастающей паникой я попыталась отвернуться, но безуспешно. Похолодев, я поняла, что он не собирается отступать. С моих губ сорвался вскрик, и Хейрон слегка отстранился. В его потемневших глазах мелькнуло недовольство, а в голосе, низком, угрожающе-спокойном, послышались жесткие нотки:

– Ну что ж... подождем до свадьбы. Осталось недолго.

Хейрон снова склонился надо мной, и я замерла. Обжигая горячим дыханием, он медленно поцеловал меня в шею и наконец отпустил. По коже побежали мурашки, я едва смела поднять глаза. Мои губы, шея и талия горели от его прикосновений, и мне хотелось оказаться дома и смыть с себя эти невидимые пятна.

Я больше не замечала ни светящихся статуй, ни аллей, где на деревьях в виде плодов висели люминии разных оттенков желтого и красного. Я отвечала невпопад, с ужасом думая о тесном и полутемном пространстве фаэтона, который дожидался нас у выхода.

Когда же наконец через мучительно долгое время мы двинулись назад, я едва не расплакалась от облегчения, увидев, что у ворот нас поджидает Нелла.

Глава 4

Всю дорогу до дома меня трясло. Если Нелла что-то и заметила, то оставила вопросы при себе. Видимо, решила, что теперь я имею право обходиться без ее замечаний.

Дома, сославшись на усталость, я отказалась от ужина, который распорядился оставить для меня Гаэн, и поднялась в свою комнату. Светильник в виде кошки встретил меня приветливым сиянием, и, надев наконец мамин браслет и погладив светящуюся спинку, я почувствовала, что потихоньку успокаиваюсь.

Нужно отменить эту свадьбу.

Эта мысль явилась из ниоткуда, словно дожидалась того мгновения, когда я буду готова ее впустить.

Я покачала головой. Как можно отменить свадьбу, до которой осталась всего неделя и к которой сделано уже столько приготовлений? Разосланы приглашения, сшиты костюмы, заказан свадебный обед и выбраны Служительницы для брачной церемонии в Храме Зеннона... Как можно отменить свадьбу, которая прикроет мою аномалию, как заплатка – прореху на ткани?

И, главное, из-за чего?

Меня поцеловал жених, и теперь я хочу отменить свадьбу.

Даже в голове это звучало безумно. Но я вспомнила Хейрона – его взгляд, его горячие прикосновения, его губы, его голос, – и меня вновь начало трясти. Я рухнула в кресло, свернулась клубочком и стала перебирать неровные бусины.

Твой жених так влюблен в тебя, что потерял голову, вот и всё.

Но дело было не в простой влюбленности. В день нашего знакомства Хейрон сказал, что для него эта помолвка тоже была неожиданной, но сегодня признался, что сам уговорил отца согласиться. Он следил за мной до самого жертвенника Деи. Он изо всех сил пытался меня очаровать.

Внезапно у меня в голове возник образ, до того яркий, что я выпрямилась в кресле.

Когда-то давно я ездила с дядей на охоту. На юге, за городом, где вдоль озёр простирались луга и поля, вместе с другими Советниками мы загоняли лисиц. Тогда, скача на лошади позади дяди под остервенелый лай гончих, я живо представляла, с каким ужасом животные бегут от нас, пытаясь спастись. После этого в охоте я больше никогда не участвовала.

И теперь меня словно осенило.

Добыча. Вот кем была я для Хейрона.

Лишенная дара, обязанная это скрывать, я была беспомощна и беззащитна и во всем подчинялась дяде. А после свадьбы я буду целиком и полностью во власти мужа. Мужа, за чьим красивым лицом мне на мгновение приоткрылось что-то темное, жадное и недоброе.

С утра я была полна решимости поговорить с дядей. Как бы то ни было, он мой опекун, брат моего отца. Он должен меня хотя бы выслушать.

Но когда я спустилась к завтраку, меня ожидал удар: дядя уехал с ревизионной комиссией и планировал вернуться только за два дня до свадьбы. Должно быть, я сильно побледнела, потому что Гаэн встревоженно усадил меня и предложил крепкого чая из горноцвета. От смятения я едва ощутила терпкую горечь на языке.

Нехотя позавтракав, я вернулась к себе и, отослав взволнованную моим состоянием Розу, просидела, как кукла, в кресле до самого обеда. Но, спустившись в столовую и едва притрунувшись к еде, я снова ушла в свою комнату.

До свадьбы оставалась неделя, и я ничего не могла с этим поделать.

В школе меня освободили от занятий – для подготовки к свадьбе и последующей поездке в предместье города с посещением озёр. Но большая часть приготовлений была уже сделана, комнаты убраны, вещи для поездки сложены в сундуки. Я бродила по дому, не в силах ничем себя занять и ни на чем сосредоточиться, будь то чтение книг или игра на рояле. Часами я просиживала на террасе, избегая любопытных взглядов служанок – каждый раз при виде меня они, краснея, улыбались. И даже Роза, хотя и переживала из-за моего странного состояния, томно вздыхала, расчесывая мне перед сном волосы. Женская половина дома была от Хейрона без ума и не могла дожидаться свадьбы.

Я же благодарила Серру, что из-за учебы Хейрона в Академии мы с ним увидимся только в день свадьбы. Небольшое облегчение.

Я отчаянно искала выход и не находила его. Я даже думала о том, чтобы сбежать к Служительницам в один из храмов на окраине города, но что-то мне подсказывало, что ни дядю, ни Хейрона такой исход не устроит. И потом, как я буду объяснять отсутствие дара?

У меня теплилась надежда, что дядя приедет раньше и я всё-таки смогу с ним поговорить, но он вернулся даже позже, чем обещал, лишь за день до бракосочетания, поздно вечером. Когда я, набравшись решимости, направилась к его кабинету, меня остановила Нелла:

– Пожалуйста, Вира, не тревожь его.

И в ее голосе прозвучала такая неожиданная забота, что я молча кивнула и вернулась обратно к себе.

На следующее утро мне не хотелось вставать с постели. Даже если я сегодня поговорю с дядей, что изменится? Разве он отменит мою свадьбу? А может, я просто неправильно поняла Хейрона? Слишком мало опыта и слишком живое воображение. Из-за такого бракосочетание не отменяют. В конце концов, дядя предоставил мне выбор, и я сказала «да». Надо нести ответственность за свои слова.

Я повернулась на другой бок, желая еще поспать, но в комнату, едва постучав, вплыла Нелла, Роза робко следовала за ней по пятам. Увидев меня в кровати, гувернантка неодобрительно подняла брови, но, воздержавшись от замечаний, сказала только:

– Роза, будь добра, помоги госпоже Вире привести себя в порядок.

Мое сердце так и подпрыгнуло, и я едва справилась с волнением:

– В чем дело?

Но Нелла лишь приторно улыбнулась, давая понять, что ответа от нее я не дожусь. Пока я занималась утренним туалетом, она подготовила жемчужно-серое платье с белыми кружевными вставками по лифу и манжетам. Затем, после быстрого завтрака, который принесли в комнату, Роза помогла мне одеться и уложила волосы в прическу. Как только я была готова, Нелла погнала меня, как отставшую от стада овечку, вниз, в кабинет дяди.

Я была совершенно сбита с толку и не представляла, для чего понадобилась дяде прямо накануне свадьбы, да еще и по-праздничному одетая. Мы кого-то ждали? Не Бернелов же? Нелла ни за что бы не показала перед Нией Бернел одетой по-домашнему.

Я была настолько погружена в размышления, что не успела толком испугаться, когда Нелла легонько толкнула меня в кабинет и закрыла дверь с другой стороны.

Дядя был один и, похоже, готовился куда-то ехать – на столе лежал его кожаный портфель с бумагами. Сам дядя, стоя ко мне спиной, что-то искал в высоком сейфе слева, и я рассмотрела лакированные деревянные шкатулки разных размеров, аккуратно расставленные на полках. Обычно сейфы были всегда закрыты, и даже на занятиях дядя их не открывал – готовил камни заранее. Наконец поиски завершились успехом, и дядя закрыл сейф сначала обычным, затем амарантиевым ключом.

Этот ключ я видела всего один раз. Амарантии были очень редкими и, как правило, существовали в природе в сдвоенном виде – как сросшиеся половинки. Сначала их разделяли, а затем опытный камневидец пробуждал их силу откликаться друг на друга. Одна половинка устанавливалась в замке, вторая – в ключе. Каждая пара была уникальна – подобрать другой амарантий к такому замку было невозможно, – поэтому их использовали для охраны особо ценных предметов.

Дядя бросил на меня взгляд и спрятал в кожаный портфель небольшую шкатулочку.

– Последний сардалл. Весьма непредусмотрительно с моей стороны. Надо будет купить еще.

Изначально сардаллы, «механические сердца», использовались, чтобы запускать ход часов, которые больше не приходилось раз за разом заводить, а впоследствии стали применяться и в заводных игрушках. По традиции наручные часы с сардаллом преподносили юношам на совершеннолетие. Но зачем сардалл дяде? И для чего он позвал меня?

Прежде чем я успела спросить, дядя закрыл портфель и хмуро стряхнул с него пылинки.

– Мне как можно скорее, до начала Совета, необходимо обсудить результаты ревизии с Утешителем Йенаром. Конфиденциально. Лучше всего у него дома, поскольку тот находится в непосредственной близости от здания Совета. Но я бы не хотел привлекать повышенное внимание к своему визиту. К счастью, сегодня, как я узнал, у его приемного сына день совершеннолетия, поэтому я воспользуюсь этим поводом. А поскольку вы одноклассники, твое присутствие добавит этому поводу правдоподобия.

Дядя не сводил глаз со своего портфеля, поэтому не видел, что я сперва побледнела, а потом, наоборот, вспыхнула.

– При других обстоятельствах я бы не стал брать тебя с собой, но – увы!.. Нам надо поспешить. Нужно еще успеть к часовых дел мастеру.

Без лишних вопросов я последовала за дядей к карете, чувствуя, что кончики пальцев покалывает от волнения. В голове никак не укладывалось, что меньше чем через полчаса я увижу Кинна.

Из-за Хейрона, приближающейся свадьбы и того, что я выпала из школьной жизни, я совсем позабыла, что Кинн отмечает день рождения всего через неделю после моего. А в этом году ему, как и мне, исполнялось шестнадцать, поэтому, освобожденный традицией от занятий, он пребывал дома, в кругу семьи. Которую ему заменил Утешитель Йенар.

Едва экипаж тронулся с места, как дядя углубился в чтение бумаг, а я несколько раз медленно вздохнула, собираясь с духом, чтобы заговорить.

– Дядя, я хотела поговорить с вами насчет свадьбы...

Он нахмурился и не сразу оторвался от бумаг.

– Да?

Голос его прозвучал крайне сурово. Я сжала в ладони сложенный веер.

– Я понимаю, что свадьба уже завтра и что все приготовления уже сделаны...

Дядя посмотрел на меня так холодно, что слова замерли у меня на губах.

– Волнение перед бракосочетанием весьма объяснимо. Но я не собираюсь еще раз повторять, почему оно должно состояться. Прости, Вира, мне нужно сосредоточиться.

И он снова погрузился в чтение.

Внутри меня что-то оборвалось. Я не ожидала, что дядя откажется даже выслушать меня.

Значит, свадьба всё же состоится.

Мы на четверть часа остановились у мастерской – дядя сходил к часовщику, – и вскоре карета выехала на многоцветную азонитовую брусчатку Храмовой площади. Там, неподалеку от Храма Зеннона, за изящной оградой располагался двухэтажный дом Утешителя, окруженный садовыми деревьями.

Перед тем как покинуть карету, дядя вполоборота повернулся ко мне:

– Не забывай о том, кто ты, Вира. Особенно в этом доме.

Сглотнув, я кивнула. Не забывать о том, что я обманщица, и не дать обману всплыть – вот что на самом деле имел в виду дядя.

Несмотря на ранний час, Утешитель Йенар, в своей обычной небесно-голубой форме, лично встретил нас и, кажется, совсем не удивился нашему визиту.

– Советник Дан, госпожа Вира! Какая честь. Прошу вас, проходите.

Почему-то мне представлялось, что дом Утешителя будет суровым и аскетичным, но он поразил меня своим уютом. Гостиная, в которую нас провели, была исполнена в пастельных, приглушенных тонах. Удобная мебель, пейзажи Серры на стенах – обстановка, хотя и простая, без излишеств, была подобрана со вкусом.

Дядя формально поздравил Утешителя с днем совершеннолетия его приемного сына и выразил желание лично пре поднести подарок. Утешитель Йенар позвонил в звоночек и приказал явившемуся камердинеру позвать Кинна.

Дядя и Утешитель заговорили о погоде и о прогнозах по урожаю зерна. Я же, стараясь не выдавать своего волнения, рассматривала картины с видами Энтанской гавани со знаменитым заброшенным маяком, шпилей Аира на фоне Серебристых гор и Нумма, лежащего посреди зеленых холмов. Я перевела взгляд на Альвион, раскинувшийся в долине реки Рассны, когда в гостиную вошел Кинн.

Он был одет в копию школьной формы – только не серого, а темно-зеленого, болотного цвета и без посеребренных пуговиц. Увидев меня, он замер с потрясенным видом. Судя по всему, камердинер не предупредил его о гостях. Но когда Утешитель Йенар повернулся к Кинну, тот уже спрятал свои эмоции за маской вежливого удивления. Мне показалось, от Утешителя не скрылось, что наш визит застал Кинна врасплох, и это доставило ему определенное удовольствие.

– Кинн, мальчик мой, Советник Дан и госпожа Вира пожелали поздравить тебя с совершеннолетием.

После неловкой паузы Кинн поклонился дяде, который в свою очередь произнес официальное поздравление и вручил шкатулку с часами. Кинн принял ее с положенной по этикету благодарностью. Я изо всех сил старалась не смотреть ему в лицо.

Покончив с формальностями, дядя обратился к Утешителю Йенару:

– Как я слышал, Утешитель, у вас отличная коллекция антикварных карандашниц. Если позволите, я воспользуюсь этой редкой возможностью на нее взглянуть.

Утешитель вежливо улыбнулся, хотя взгляд его оставался пристально-холодным, словно он прекрасно понимал, что дядю интересуют совсем не карандашницы. Он показал рукой в сторону дверей, которые, очевидно, вели в кабинет:

– Прошу вас, Советник. Это доставит мне величайшее удовольствие. – Он посмотрел на меня, потом на Кинна. – Вероятно, госпоже Вире моя коллекция покажется не столь увлекательной. Кинн, будь добр, покажи госте наше скромное жилище.

При этих словах дядя слегка нахмурился, но промолчал и вслед за Утешителем зашел в кабинет. Дверь закрылась, и мы с Кинном остались в гостиной вдвоем.

Неловкость между нами сгустилась настолько, что ее можно было разрезать и съесть. С каждой секундой мои щеки пылали всё больше и больше.

– Ладно... пойдём, – Кинн прошёл к ещё одним дверям, ведущим из гостиной, и остановился, пропуская меня вперед. Я пожалела, что не могу скрыть горящее лицо за шляпкой. Сам Кинн вблизи показался бледным. В глаза мне он не смотрел.

Мы заглянули в столовую, потом через гостиную вышли в коридор, который одновременно служил картинной галереей – здесь висели портреты всех Первых Утешителей. Кинн рассказывал обо всем кратко и сухо, точь-в-точь как когда-то дядя – Бернелам. Стеклопанная дверь из коридора вела на небольшую террасу и в сад. Справа от нее на второй этаж поднималась просторная лестница, и Кинн провел меня наверх. Несколько раз я пыталась с ним заговорить, но, натываясь на закрытое, словно чужое лицо Кинна, вновь умолкала.

На втором этаже, миновав дверь в спальню Утешителя, мы оказались в коридоре, который украшали гобелены с историческими сценами и всевозможные фарфоровые и хрустальные статуэтки. Наконец, дойдя до середины коридора, Кинн распахнул массивные деревянные двери.

– Библиотека.

Помещение было залито мягким светом, который отражался от корешков книг, занимавших всё свободное пространство вдоль стен. Запах кожи и бумаги смешивался с едва уловимым ароматом лимонника, хотя цветов нигде не было видно. У широкого окна разместились два стола, еще один стол вытянулся посередине – над ним нависли искусно сделанные светильники.

Как и остальной дом, библиотека дышала уютom и удобством, но всё же чего-то не хватало. Я прошла мимо стеллажей с книгами, тронула шершавое голубое сукно на длинном столе, всё время ощущая на себе взгляд Кинна. И тут я поняла.

Во всем доме не было ни единого его следа – ни оставленной на столе книги с закладкой, ни небрежно брошенных на комод перчаток, ни забытой игры в ровинсол, которой увлекались почти все наши одноклассники. Словно Утешитель жил в доме один. От осознания этого мне стало еще тяжелее, и я с трудом произнесла:

– Тебя не было на наших занятиях в библиотеке.

Я постаралась сохранить легкий тон, без нажима, но по лицу Кинна словно пробежала тень, и он с неохотой ответил:

– Да, я был занят.

Я промолчала, сделав вид, что рассматриваю книги. Кинн вновь заговорил, и впервые в его голосе прозвучал отголосок волнения:

– Если честно, я уже закончил со своей частью. Так что...

В первую секунду его слова меня поразили. Наверное, я ослышалась. Я заставила себя обернуться к нему с удивленным лицом:

– Уже? А я никак не могу разобраться с их двойными отрицаниями.

Кинн посмотрел на шкатулку с часами, которую неловко держал в руке, и подошел к столу у окна, где лежала бумага и стояли в костяной подставке карандаши. Немного подумав, он что-то написал на листке бумаги, потом протянул его мне.

– Вот, думаю, это поможет.

Я нерешительно взяла записку и, увидев названия двух незнакомых книг, почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Значит, Кинн больше не собирается приходить в библиотеку.

Тихо, чтобы меня не выдала дрожь в голосе, я спросила:

– Разве мы не должны работать над этим вместе?

Я не рискнула поднять голову от бумаги, не рискнула посмотреть Кинну прямо в глаза.

Когда он наконец ответил, его голос был холодным и отстраненным:

– Думаю, теперь ты справишься сама.

Я кивнула, медленно убрала записку в карман и спросила каким-то чужим, спокойным голосом:

– Мне что-то душно. Скажи, пожалуйста, где у вас можно умыться?

– Налево и прямо до самого конца.

Я развернулась, не дожидаясь, пока Кинн скажет что-нибудь еще, решительно вышла из библиотеки и двинулась по коридору. За дверью в конце коридора скрывалась лестничная площадка, на которую выходило еще две двери. Я прошла в ванную комнату и, закрыв за собой дверь, прислонилась к ней спиной и беззвучно заплакала.

А чего я, собственно, ожидала? Что Кинн повинится в том, что игнорировал меня весь последний месяц, попросит прощения и пообещает вернуться к занятиям в библиотеке? Кто мы друг другу такие, чтобы я на это рассчитывала?

Как утопающая, я схватилась за браслет и прикусила губу, стараясь сдержать рыдания.

Разве Кинн давал мне повод для подобных ожиданий? Разве когда-то открывался мне? Разве пускал в свою жизнь? Нет. Это я имела неосторожность показать свою уязвимость и от этого возомнила, что нас связывают дружеские отношения. Наивная дурочка.

Видел бы кто-нибудь, как гордая Вира Линд плачет в чужой уборной над несостоявшейся дружбой!..

Глубоко вздохнув, я подошла к раковине и умылась холодной водой. Посмотрев на себя в зеркало, стерла жалкое, побитое выражение с лица. Пора прийти в себя.

В этот момент дверь в уборную открылась.

Служанка со стопкой полотенец уже шагнула внутрь, когда вдруг увидела меня. Ее бесцветные брови взлетели вверх, рот приоткрылся.

– Госпожа... я...

Зайди она чуть раньше, она застала бы меня в слезах. Но теперь я смотрела на нее с холодным недоумением, гордо расправив плечи.

Служанка обернулась к двери и растерянно забормотала:

– Простите, я думала... Нирронный замок... Думала, тут никого...

Во рту у меня мгновенно пересохло. Одно время нирронные замки были очень популярны, но у нас в доме их по понятной причине не ставили. Такие замки часто устанавливали на дверях в уборные, спальни и другие помещения. Человек, заходя внутрь, брался за ручку и пробуждал ниррон. Если следом хотел зайти кто-то другой, то пробужденный камень вызывал в ладони легкое покалывание, давая понять, что здесь занято. Покидая помещение, ниррон усыпляли до следующего раза.

Конечно же, я не могла пробудить ниррон. Я была в таком состоянии, что вообще не обратила на ручку внимания. И почему нельзя было обойтись обычным замком?

Мне вспомнилось дядино предупреждение: «Помни о том, кто ты. Особенно в этом доме». Как никогда остро я осознала, что мне грозит разоблачение в доме Утешителя Йенара – судя по всему, последнего человека, кому дядя хотел бы открыть мою тайну.

Я взглянула на сконфуженную служанку и решительно шагнула к ней, стараясь говорить приветливо, но твердо:

– Я понимаю, у вас много работы. Вы ошиблись, так бывает. Обещаю, что никому ничего не скажу.

Служанка подняла на меня бледно-серые глаза, в которых растерянность уступила место страху. Разумеется, теперь она скорее поверит в собственную ошибку, чем тому, что госпожа ей лжет. Она положила полотенца на этажерку у двери, глубоко поклонилась и пролепетала:

– Простите, госпожа. Надеюсь на ваше снисхождение.

Еще раз поклонившись, служанка быстро вышла, и с лестницы донеслись ее торопливые шаги.

Я глубоко выдохнула. Теперь бедная женщина будет переживать и винить во всем себя – и всё из-за моей невнимательности. Взявшись за ручку двери, я заметила, что меня трясет. Надеюсь, дядя уже закончил. Пора уходить из этого дома.

Покинув уборную, я собиралась вернуться в библиотеку, когда дверь справа, напротив лестницы, со щелчком приоткрылась.

Я напряглась, ожидая, что оттуда кто-то выйдет. Но никто так и не появился. Подойдя ближе, я почувствовала сквозняк. Видимо, в комнате было открыто окно, поэтому дверь и распахнулась.

Я хотела пройти мимо, но сквозь дверную щель заметила вдруг на стене карту – огромную, во всю стену – и застыла. Карты никогда не давали мне покоя. Я могла часами разглядывать их в дядиной библиотеке, рассматривать в учебниках, изучать в Музее. Но раньше мне не встречалось ничего подобного.

Движимая чистым любопытством, совершенно позабыв о приличиях и всем прочем, я шагнула в комнату. Одно из окон действительно было открыто, но мои глаза видели только карту. Она была невероятно детально прорисована. Даже в Музее Зеннона не нашлось такой.

Я замерла, завороченная тем, как художник изобразил Серру. Я словно парила, как птица, над ее голубыми реками и озерами, зелеными лесами и холмами, беловатыми Серебристыми горами, темно-зелеными низинами, цветными узорами городов, темно-синими морями Сестер, серо-зеленым поясом островов и за ним – черными волнами Штормовых морей.

– Что ты здесь делаешь?

Я вскрикнула и прижала руку к груди. В дверном проеме, нахмурившись, стоял Кинн.

Мое сердце колотилось как бешеное, и я едва вымолвила:

– Дверь открылась от сквозняка... Я увидела карту, не смогла удержаться. Никогда такой не видела...

Кинн не сводил с меня настороженного взгляда:

– Это моя карта. И моя комната.

– Твоя... – Я оглянулась, увидела на двери гардероба школьную форму Кинна, стол, заваленный учебниками, кровать в нише – и отчаянно покраснела. От стыда мне захотелось провалиться сквозь землю или хотя бы на первый этаж, но Кинн преградил выход и, кажется, не собирался приходить на помощь в этом мучительном положении.

Не в силах смотреть на него, я повернулась к карте и затараторила, что было мне совершенно не свойственно:

– Это изумительная карта! Мне казалось, я уже их все изучила – и в Музее, и дома, и в школе, – но такой точно никогда не видела. Откуда она у тебя?

Кинн наконец соизволил подойти ближе.

– Ее нарисовал мой отец.

В его тихом голосе я услышала нотки и гордости, и печали. Настоящий голос Кинна – я затаила дыхание, боясь спугнуть это мгновение.

Он больше ничего не добавил, и я решилась:

– Это потрясающая карта, живая... Столько деталей... Видно, с какой любовью ее рисовали.

Кинн вздохнул и сказал:

– Отец был настоящим альвионцем, любил путешествовать. Везде побывал. Однажды он так увлекся изучением береговой линии Южных островов, что его едва не унесло в Штормовые моря. Потом он всем рассказывал, что это были происки немор.

Его голос потеплел, в нем зазвучала улыбка. А меня внезапно осенило:

– Ронс Террен... путешественник и картограф... Так ты его сын? Почему же ты в школе не сказал, что вы родственники?

Кинн слегка нахмурился и, помолчав, ответил:

– Я плохо перевариваю чужое любопытство.

Неловкость с новой силой захлестнула меня – что же в таком случае Кинн думает о том, что я ворвалась в его комнату? Он, словно почувствовав мое смущение, заговорил:

– Когда появились Тени, отец был в Зенноне, поэтому здесь и остался. Работал в архиве Музея вместе с мамой. Реставрировал карты. А эту – нарисовал для меня. Это всё, что... – Кинн запнулся, – что от него осталось.

И я вдруг вспомнила.

Мне было лет семь, и я подслушала дома разговор между горничными, наводившими порядок в библиотеке. Беспрерывно охая и ахая, они переговаривались о том, что Тени поглощали торговый караван, шедший из Зеннона в Альвион, а в караване находились путешественник Ронс Террен с женой.

– Пишут, у них тут сын остался, совсем один, – сказала одна из горничных.

– Бедняжка!.. Сохрани его Серра! – надрывным шепотом ответила вторая.

Услышанное тогда привело меня в такой ужас, что я постаралась поскорее об этом забыть.

А сейчас, стоя рядом с Кинном, я смотрела на темно-зеленое пятно Черного леса, где, казалось, было выписано каждое деревце, и у меня на глазах выступили слезы. Я тихо проговорила:

– Мне очень жаль.

Мне хотелось сказать, что я понимаю, как сложно жить без родителей, понимаю, что ему, совсем одному в чужом доме, было еще труднее, чем мне, но слова так и остались невысказанными.

Мы молчали, и в этом молчании рождались другие слова, как вдруг я вспомнила, что у меня на пальце помолвочное кольцо, а завтра меня ждет свадьба. И я поспешно нарушила тишину:

– А ты бы куда хотел отправиться? Если бы не было Теней, конечно же.

Кинн вздрогнул, словно пробуждаясь ото сна.

– Куда угодно. Пройти по стопам отца.

Я улыбнулась и с наигранной веселостью спросила:

– И даже на Худые острова?

– Особенно на Худые острова. Мне всегда хотелось проверить, неужели они настолько узкие.

Я сделала вид, что изучаю карту:

– Хм... Альвион?

Кинн хмыкнул и включился в игру:

– Самый большой порт, самые шумные рынки и сплошные праздники? Однозначно да.

– Нумм? После Альвиона покажется куда скучней.

– После Альвиона всё покажется куда скучней. Но, думаю, яблочный сидр и праздники урожая стоят этой поездки.

– Аир?

– Без вопросов. Как можно пропустить Серебристые горы, у которых серебро только в названии?

– Энтана?

Краем глаза я увидела, что Кинн соорудил задумчивую мину, и спрятала улыбку.

– Холодное море, склонность к самопознанию и созерцанию... Ну, даже не знаю. Хотя подожди: древнейший город Серры, старейшая Академия камневидцев, старинный заброшенный маяк, могилы Предков... наверное, можно хотя бы глазком глянуть.

Тут я не выдержала и тихонько рассмеялась. Обернувшись, чтобы спросить Кинна про южные городки, которые мы с ним изучали, я застыла.

Кинн смотрел на карту и улыбался. Его лицо, всегда закрытое, отстраненное, словно освещалось изнутри, и в это мгновение он показался мне совсем другим человеком.

От его улыбки у меня в груди словно взорвался фейерверк. Я опустила взгляд, смутившись, не понимая, что произошло.

В этот миг где-то внизу хлопнула дверь. И тишина пропала.

Кинн пришел в себя первым:

– Наверное, твой дядя уже освободился. Пойдем, я тебя провожу.

Кивнув, я бросила последний взгляд на карту и последовала за Кинном, потрясенная и оглушенная. Перед широкой лестницей он вдруг остановился и повернулся, словно собираясь мне что-то сказать, но потом передумал и молча повел меня вниз.

Дядя с Утешителем расположились в гостиной, и по нетерпеливому взгляду, который бросил в мою сторону дядя, стало ясно, что они ждут нас уже какое-то время.

– Премного благодарю за ваше драгоценное время, Утешитель Йенар. А теперь мы вынуждены откланяться, дела не ждут.

Дядя еще раз пожелал Кинну счастливого дня совершеннолетия, и я внутренне сжалась, потому что я Кинна так и не поздравила, а теперь момент был упущен. Я только и смогла сказать:

– Увидимся завтра.

Он, как и все мои одноклассники, был приглашен на свадьбу, и ради этого их освободили от занятий в школе. Кинн, снова с непроницаемым лицом, кивнул в ответ:

– Увидимся завтра.

Утешитель проводил нас до двери, и мы распрощались. В тоне Утешителя, несмотря на всю его любезность, сквозила прохладца.

Прежде чем сесть в карету, я обернулась. Голубая форма Утешителя Йенара хорошо виднелась в фасадном окне. Слева, где находилась столовая, в окне что-то мелькнуло, и мое сердце ёкнуло, когда я поняла, что это Кинн. Он замер там неясной темно-зеленой тенью. Чувствуя настойчивый взгляд Утешителя, я слегка поклонилась, взялась за дядину протянутую руку и забралась внутрь.

Дядя был не в духе: он хмурился, а на его высоком лбу залегли глубокие морщины. Приказав остановиться у здания Совета на противоположной стороне площади, он наконец обратился ко мне:

– Я бы проводил тебя домой, Вира, но не могу, мне надо спешить.

На меня вдруг навалилась апатия, тяжелая, как цепи Красного моста. Я была только рада побыть в одиночестве.

– Всё в порядке, дядя.

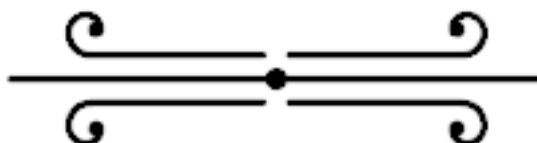
Он глянул на меня и внезапно коснулся моей левой руки:

– Постарайся отдохнуть перед завтрашним днем.

Я заставила себя кивнуть и улыбнуться. Но когда дядя покинул нас и карета двинулась по гладко вымощенной площади в сторону дома, моя улыбка медленно увяла.

Завтра в это самое время в Храме, окруженная праздничной толпой, я обвенчаюсь с красивым, завидным женихом.

Так почему же сейчас я чувствую себя самой несчастной невестой в Зенноне?

Глава 5

Воздух, налитый весенней теплотой, пьянил, как нуммийское красное. От крыши Храма празднично отсвечивало солнце. На цветной брусчатке перед входом в Храм уже стояли первые гости, хотя остальные должны были прибыть только через полчаса. Старшие Бернелы легко угадывались по насыщенно-бордовому цвету одежды; на их фоне выделялся синий с отливом костюм Хейрона.

– Душенька, ты выглядишь потрясающе! Что за диадема! А что за платье! Даже издали видно, что сейчас уже не найдешь ни таких красок, ни ткани...

Втайне я была рада, что официальность обстановки не позволяла Ние Бернел заключить меня в объятия. Она несомненно хотела бы пощупать и мамино голубое платье, которое ушили для меня, и вышитый кошелек, полный денежных камней, и свадебную диадему с длинными подвесками, серебристыми ручейками сбегаящими мне на плечи и спину. Но моей будущей свекрови пришлось ограничиться восхищенным взглядом, который, впрочем, не пропустил ни одну жемчужину в диадеме и задержался на серьгах из крупного голубоватого жемчуга.

Огаст Бернел преподнес свои комплименты наилюбезнейшим тоном, и меня кольнуло подозрение, что после свадебного обеда он может расщедриться и на «душечку».

Когда ко мне наконец приблизился Хейрон, я заметила, что взгляды присутствующих невольно обратились к нему. И было понятно почему. На солнце светлые волосы Хейрона отливали золотом, свадебный костюм сидел как влитой, а насыщенный синий цвет дорогой ткани подчеркивал его голубые глаза, делая их еще выразительнее. Мой жених был потрясающе красив.

Хейрон поклонился мне и улыбнулся, не сводя с меня пристального взгляда. В отличие от матери, и платье, и диадема ему были мало интересны – он смотрел на меня, на подкрашенные карминовой помадой губы, на открытую шею.

Мои щеки залились румянцем, и я порадовалась, что в этот момент гости начали подходить к нам с приветствиями. Но при виде Кинна, который следовал за Утешителем Йенаром, я заставила себя смотреть чуть в сторону, лишь бы не встречаться с ним взглядом.

Когда все собрались, к нам вышла Мать-Служительница – матушка Иддакия. В жемчужно-серой мантии, с седыми, убранными в тугую прическу волосами, с добрыми морщинками вокруг глаз, Старшая Служительница отдаленно напоминала саму Серру, как ту обычно изображали. Я еще раз порадовалась, что сегодня день Сестер, а значит, службу проведут Служительницы. Большая часть дней недели была посвящена Братьям, и службы велись Служителями, а Отец-Служитель всегда казался мне чересчур суровым и строгим.

Мать-Служительница поприветствовала нас и сообщила, что всё готово. По традиции, до начала церемонии бракосочетания жених и невеста, каждый поодиночке, приносили молитвы: жених – Зеннону, невеста – Дее. Хейрон улыбнулся мне и поднялся вслед за Матерью-Служительницей в верхний храм, где располагался алтарь Зеннона. За ним потянулись уже прибыв-

шие гости. Дядя вместе с Неллой остался встречать у входа запаздывающих гостей. Я же в сопровождении одной-единственной немолодой Служительницы, сестры Аннеки, спустилась вниз.

Храм был вытянут, как корабль, на котором Серра и Иалон пересекли Штормовые моря. По синему широкому ковру, скрадывающему наши шаги, мы прошли мимо закрытых дверей, за которыми находились разные храмовые помещения: трапезная, учебные кабинеты, ризница, книжничкая, кабинеты Старших Служителей. По левую руку, между двумя учебными кабинетами, мы миновали лестницу на второй этаж, по которой мне предстояло потом подняться. Сестра Аннека довела меня до двустворчатых деревянных дверей, ведущих в придел Деи, и, улыбнувшись, оставила одну.

Я открыла дверь, и на меня пахнуло запахом благовоний – древесным, теплым, чуть горьковатым – после недавней службы. Я закрыла за собой дверь, и сердце сразу же забилося спокойнее. В приделе никого, кроме меня, не было, даже Прислужниц. Царила тишина, мерцали свечи. Я прошла по сине-голубому ковру к алтарю Деи, где сквозь круглые витражные окна лился цветной свет.

В отличие от статуи в Садах, здесь Дею украшали одежды благородной дамы, а в сложенных лодочкой руках голубоватым куском льда переливался нефрилл – один из камней, которые пробудила сама Дея. Он до сих пор избавлял даже от сильной головной боли, стоило к нему прикоснуться.

Прежде чем встать на колени и произнести положенную молитву, я отцепила с пояса кошелек. На свадьбу всегда было принято приносить пожертвования, и, когда я назвала сумму Нелле, та в изумлении подняла идеальные брови, но спорить не стала. Не колеблясь, я высыпала все кроваво-красные йармины в ящик для пожертвований, где в основном лежали прозрачные рандии в бронзовых оправках вперемешку с фиолетовыми, в серебряных оправках.

Я надеялась, что после такого щедрого пожертвования мне станет легче и воспоминания о рыжеволосом Тэне и его матери перестанут так остро колоть меня. Много раз я думала о том, чтобы обратиться к Служительницам, которые бывали в рабочих кварталах, описать им семью Тэна и передать деньги, но всякий раз останавливалась. Как я объясню, откуда узнала об этой семье? Как объясню, почему не помогла им лично? Меня обозвали бессердечной, но на деле всё куда хуже: я была трусихой. И теперь, глядя на йармины в золотых оправках, которые алели в ящике, напоминая пролитую кровь, я не была уверена, что смогу так легко купить свое спокойствие.

Я прикрепила кошелек обратно на пояс и, стараясь не помять платье, опустилась перед статуей Деи на колени и склонила голову. Подвески диадемы соскользнули с плеч и легким холодком коснулись щек. Невеста просила благословения у Деи на добрый брак и здоровых детей. Я знала молитву наизусть, но теперь, когда пришло время ее озвучить, не смогла сказать ни слова. Где-то наверху Хейрон произносил свою молитву Зеннону, гости вместе с Матерью-Служительницей – Серре и Иалону, а я тонула в тишине, которую едва нарушало потрескивание свечей.

Несколько раз я открывала рот, пытаясь начать молитву, но все звуки словно рассыпались в труху. Я могла солгать окружающим, но не могла солгать Дее.

После долгого глубокого молчания, чувствуя, как по щекам потекли горячие ручейки слез, я зашептала:

– Прошу тебя, Дея, услышь меня. Я знаю, что недостойна твоего милосердия. Но мне больше некого просить. Я не знаю, что делать. Я не хочу этой свадьбы, но другого пути нет. Сейчас я должна буду выйти и перед всеми, перед Зенноном отдать свою жизнь нелюбимому человеку. Если только есть хоть какая-то возможность избежать этого, прошу, покажи мне ее.

Осторожно вытерев слезы, я встала, глубоко поклонилась Дее и на нетвердых ногах вышла из придела. Меня уже, наверное, ждали, но я решила зайти в уборную в дальнем конце Храма, чтобы смыть следы слез.

Сверху, с лестницы, донесся гул голосов. Видимо, гости во главе с Матерью-Служительницей заканчивали молитву. Чутко прислушиваясь, я заторопилась дальше по коридору. И так сосредоточилась на том, чтобы не наступить на подол, и не сразу почувствовала – что-то не так.

Запах дыма.

Замерев, я попыталась понять, не показалось ли мне. Может, это просто свечи... Нет, пахло жженой бумагой и чем-то копченым. Меня бросило в жар, потом в холод. Я начала лихорадочно осматриваться в поисках источника огня и заметила чуть приоткрытую дверь книжницей, где хранились книги Закона и Толкований. Я не стала никого ждать, а, подхватив подол платья одной рукой, бросилась к двери. Рывком открыв ее, я замерла на пороге.

Вдоль стен помещения тянулись стеллажи с книгами – от пола до потолка, в середине стоял стол с бумагами и поминальными записками, а перед ним на треножнике – чаша для сожжения записок. Именно из чаши поднимался противный беловатый дым, а рядом стоял Кинн в серо-синей праздничной форме с серебряными пуговицами.

И сжигал в чаше книгу Закона.

Увиденное было настолько абсурдно, что я просто уставилась на ошеломленное лицо Кинна и оторванные страницы в его руке.

Кинн сжигает книгу Закона.

Сердце замерло, словно его зажали в тисках. Кинн в замешательстве смял страницы и бросил в огонь.

– Разве ты не ушла? Где Служительницы?

Я была настолько потрясена, что даже не смогла ничего ответить.

«Всякое неуважение к символам Закона, коими в первую очередь являются книги Закона, должно быть наказано по всей строгости», – так гласил Закон, оставленный нам Первыми. С наказанием каждый город определялся сам. Раньше в Зенноне за это пожизненно сажали в тюрьму. Теперь наивысшей мерой наказания являлось изгнание.

Я услышала за спиной чьи-то тихие шаги и не раздумывая бросилась к чаше, зашипев Кинну:

– Туши! Давай же!

Ни воды, ни песка – ничего в книжнице не было. Видимо, записки обычно прогорали сами собой. Я была готова затушить огонь своим подолом, когда Кинн наконец скинул свой френч и набросил на чашу.

Кто-то вошел в книжницу и тихонько охнул.

– Что случилось?

Сестра Аннека. На пару сердцебиений я примерзла к мес ту. Видимо, она спустилась за мной и почувствовала запах дыма. В тот же миг я осознала: если я выдам Кинна, никто, даже Утешитель, не сможет ничего поделать. Судья мигом вынесет приговор. Метнув в Кинна предупреждающий взгляд, я сделала испуганное лицо и стремительно обернулась:

– Книга Закона горит! Мы пытаемся ее потушить.

Сестра Аннека испуганно посмотрела на чашу, на Кинна, потом на меня. Я заметила, как напрягся Кинн. Не хватало еще, чтобы он сейчас чего-нибудь наговорил. С преувеличенным отчаянием я воскликнула:

– Скорее, позовите кого-нибудь!

Сестра Аннека кивнула и, взметнув подол бледно-серой мантии, стремительно вышла.

– Что ты делаешь? – медленно, с ноткой угрозы спросил Кинн. Я повернулась к нему, и меня пронзил взгляд серых, словно грозовая туча, глаз. От обычно холодного и отстраненного

выражения лица не осталось и следа – Кинн был в ярости. Внутри у меня всё затрепетало, но я в свою очередь спросила с негодованием и вызовом:

– Это *ты* что делаешь?

Когда он не ответил, продолжая сверлить меня взглядом, я не выдержала и заговорила, стараясь сдержать накативший на меня ужас:

– Мне все равно, что ты задумал, но сейчас перед всеми ты скажешь, что спустился в уборную, а на обратном пути почувствовал запах дыма. Ты бросился в книжницу. В это время я выходила из придела, увидела тебя и пошла следом. Мы стали тушить книгу. Точка.

Кинн покачал головой, отчего темно-русые пряди упали ему на лоб, и хрипло произнес:

– Нет. Когда они придут, я во всем сознаюсь. Скажу, что ты ошиблась.

– Нет!

Во мне вдруг горячим ключом забила злость, и неожиданно для самой себя я сказала:

– Если ты признаешься, тогда у всех на глазах я порву еще одну книгу Закона.

Глаза Кинна потрясенно расширились, и он спросил севшим голосом:

– Что?

Чувствуя безрассудную уверенность, я повторила:

– Если ты признаешься, я подойду к этому столу, возьму книгу Закона и порву ее у всех на глазах.

И сделала шаг вперед.

Он попытался что-то сказать, но в коридоре послышались голоса. Во взгляде Кинна мелькнуло отчаяние.

В книжницу зашла Мать-Служительница в сопровождении сестры Аннеки. Последним зашел Утешитель Йенар. При виде френча, накинутого на чашу, Мать-Служительница зашептала молитву, а Утешитель быстро подошел к чаше и осторожно поднял френч Кинна.

К счастью, плотная ткань перекрыла доступ к воздуху, и огонь погас. От книги остались полусгоревшие листы и по черневшая кожаная обложка. Положив френч на стол, Утешитель внимательно осмотрел чашу и книгу. Сердце у меня бешено застучало. Можно ли списать произошедшее на случайность?

Утешитель проговорил, словно отвечая на мой вопрос:

– Это не похоже на случайность. Кто-то хотел сжечь книгу Закона.

В книжницей с остатками едкого дыма повисла тишина. Я изобразила немой ужас, распахнув глаза и приоткрыв рот. Утешитель задержал взгляд на Кинне, потом на мне.

– Не может быть, – охнула Мать-Служительница.

– Боюсь, что в этом почти нет сомнений.

Голос Утешителя был холоден и спокоен, но в этом спокойствии угадывалось какое-то трудно сдерживаемое чувство, и я вздрогнула. По его просьбе сестра Аннека ушла за Карателями. Затем Утешитель обратился к Матери-Служительнице:

– Нам надо выслушать свидетельские показания. Можем ли мы воспользоваться вашим кабинетом?

Она медленно кивнула и повела нас за собой. Когда мы проходили мимо лестницы, до нас донесся неровный гул голосов – людей как будто стало больше, и они встревоженно переговаривались.

Как только Мать-Служительница открыла дверь в приемную, Утешитель неожиданно обратился к ней:

– Матушка, возможно, ваше присутствие нужнее там, наверху. Вы не могли бы всех успокоить и еще раз совместно помолиться?

Было видно, что ей не хотелось нас оставлять, но она кротко кивнула и, бросив на нас с Кинном обеспокоенный взгляд, ушла.

Приемная встретила нас легким запахом благовоний и солнечным светом, льющим из круглых окон. Там располагались шкафы с книгами и бумагами, два стола для Служительниц и небольшой диванчик для посетителей.

За очередной закрытой дверью скрывался личный кабинет Матери-Служительницы. Утешитель по-хозяйски отворил эту дверь и, пройдя внутрь, решительно задвинул плотные шторы на окнах. В сгустившемся полумраке неярко загорелись светильники с люминариями.

Вскоре в сопровождении сестры Аннеки на пороге приемной появились два Карателя в черной униформе с накинутыми капюшонами. Один был высоким, черная маска плотно облегла его узкое лицо, а на нашивке со знаком Карателей – два меча, скрещенные над книгой Закона, – виднелась одна широкая серебристая полоска, показатель первого ранга. Другой был невысок и коренаст, на его нашивке серебрились три узкие полосы, и, когда он обратился к Служительнице, голос его прозвучал низко и глухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.